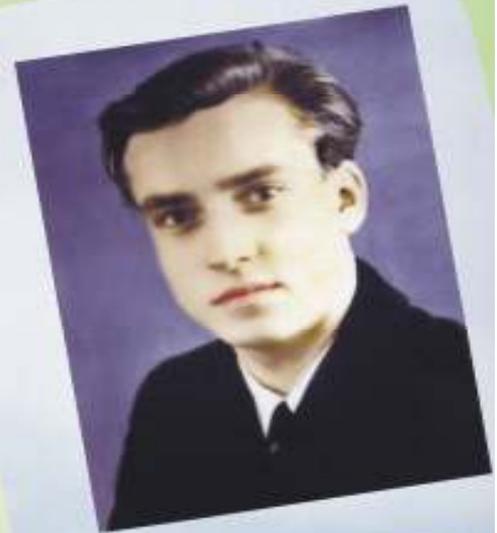

В. Перминов

Притяжение
малой
родины

Екатеринбург, 2008

В. Перминов

Притяжение малой родины

г. Екатеринбург

«Великие волнения души, до слез, до дрожи, поднимают из неведомых глубин подсознания прекрасную, могучую силу, имя которой – вдохновение.

Взрослея, многие теряют эту чудесную способность – творить. И только самые счастливые, самые жизнерадостные пишут стихи всю жизнь. А иногда и прозу.

Владимир Дмитриевич Перминов – тот самый счастливый, жизнерадостный человек, автор двух стихотворных сборников (Отзывается юность», «Открываю мир») и книги «При дня рядом с детством»

Газ. Путевка. 1995 г.

«Н. Атаров, говоря о Ю. Нагибине, который написал много автобиографических рассказов, объединившихся в цикле «Лето моего детства», сказал: «Обращение к впечатлениям детства обычно является признаком духовной зрелости автора... Писатель глубоко убежден, что красота в жизни существует и принадлежит равно всем. Но её надобно увидеть и услышать, и вот он проверяет себя, видел ли он в детстве всю эту красоту»... Я считаю, что это же можно сказать и о В.Д. Перминове. Только тончайшей души человек умеет так видеть мир...»

О.М. Мартынова, Почетный гражданин МО «Артемовский район», «Отличник народного просвещения РСФСР» (из книги «Пусть ветер ваш след не закроет»

«Его произведения лиричны по своей сути, душевны по настрою, добры по восприятию и отношению к природе, людям. Мне кажется, они вполне соответствуют характеру Владимира Дмитриевича. Проза, включенная в сборник «Звонкое эхо» чем – то напоминает бажовские сказы. От неё веет пришивинской влюбленностью в неповторимые пейзажи среднерусской полосы. Любовь автора к родному краю очевидна. Заметны его беспокойство, тревога, даже боль за брошенную во времена перестройки на произвол судьбы малую родину, за односельчан, чьи ладони стали забывать свой нелёгкий крестьянский труд»...

Ю.М. Сушков, член Союза журналистов России. (из книги «Звонкое эхо»)

Уважаемый читатель!

Небольшая книжка, предлагаемая твоему вниманию, повествует об истории возникновения, расцвета и угасания деревни Токари, что некогда располагалась между Кукарской и Атарской излучинами реки Вятки в живописнейшей местности так до конца и не оцененной современниками.

Безусловно, книга не ограничивается описанием такого крошечного кусочка земли русской - она охватывает более широкий регион, с которым так или иначе было связано детство, юность и возмужание автора.

Автор постарался максимально полно выразить идею родившегося некогда проекта воссоздания истории деревеньки, одной из многих, сгинувших в последние полвека.

С тем, чтобы уже сегодня расширить круг предлагаемых книжкой сведений, а также ощутить неповторимость красот Малой родины, автор предлагает ознакомиться с ранее подготовленными им материалами, содержащимися в книжках: «Отзывается юность», «Открываю мир», «Звонкое эхо».

Автор выражает признательность за бескорыстную душевную помощь и поддержку представителю администрации г. Советска Кировской области Леденцовой Надежде Витальевне, местному краеведу Репину Александру Сергеевичу, главному библиотекарю краеведческого сектора Советской библиотеки им. П.В. Алабина Жабкиной Нине Михайловне, заведующей архивного отдела администрации Нолинского района Кировской области Максимовой Людмиле Васильевне и другим друзьям, знакомым, родным, кто помог в подготовке книги.

Автор

Начнем с истоков

Жизнеописание обычно начинается с истоков. Что касается моей семьи – здесь скудость исходных данных не позволяет представить себе полную картину зарождения семьи. По воспоминаниям отца род наш произошел от крестьян, переселившихся с земли Пермской в незапамятные времена. Чуть ли не с начала образования деревни Токари (вначале – Бушмакин починок). Поэтому к началу 20 века практически полдеревни были близкими родственниками с фамилией «Перминов». Деревня неохотно принимала пришельцев, чужаков, поскольку земли, пригодной для земледелия, не хватало, поля подступали вплотную к крутым склонам оврагов. А в существующих семьях рождались дети, вырастали и требовали своего пая. В то же время уезжать из деревни были способны только смельчаки. Да и, как бы то ни было, в этом, стесненном со всех сторон лесом уголке, проще было пережить волнения, смуту, потрясавшую государство после 1812 года.

Я часто задумывался над тем, кто же мои далекие предки. Судя по фамилии, можно предположить (что и сделал мой отец), что они являются выходцами Великой Перми. Но вопрос: почему они из обжитых мест двинулись в страшную глухомань? Что их подвигло? Какая нужда заставила искать прибежище в местах неуютных, и даже враждебных?

Есть и другая версия, как мне кажется, более правдоподобная, по крайней мере, имеющая право на существование. Мои родичи – это праправнуки тех, кто покорял вотяков и черемисов, живших оседло в этих местах уже много веков.

Новгородское начало

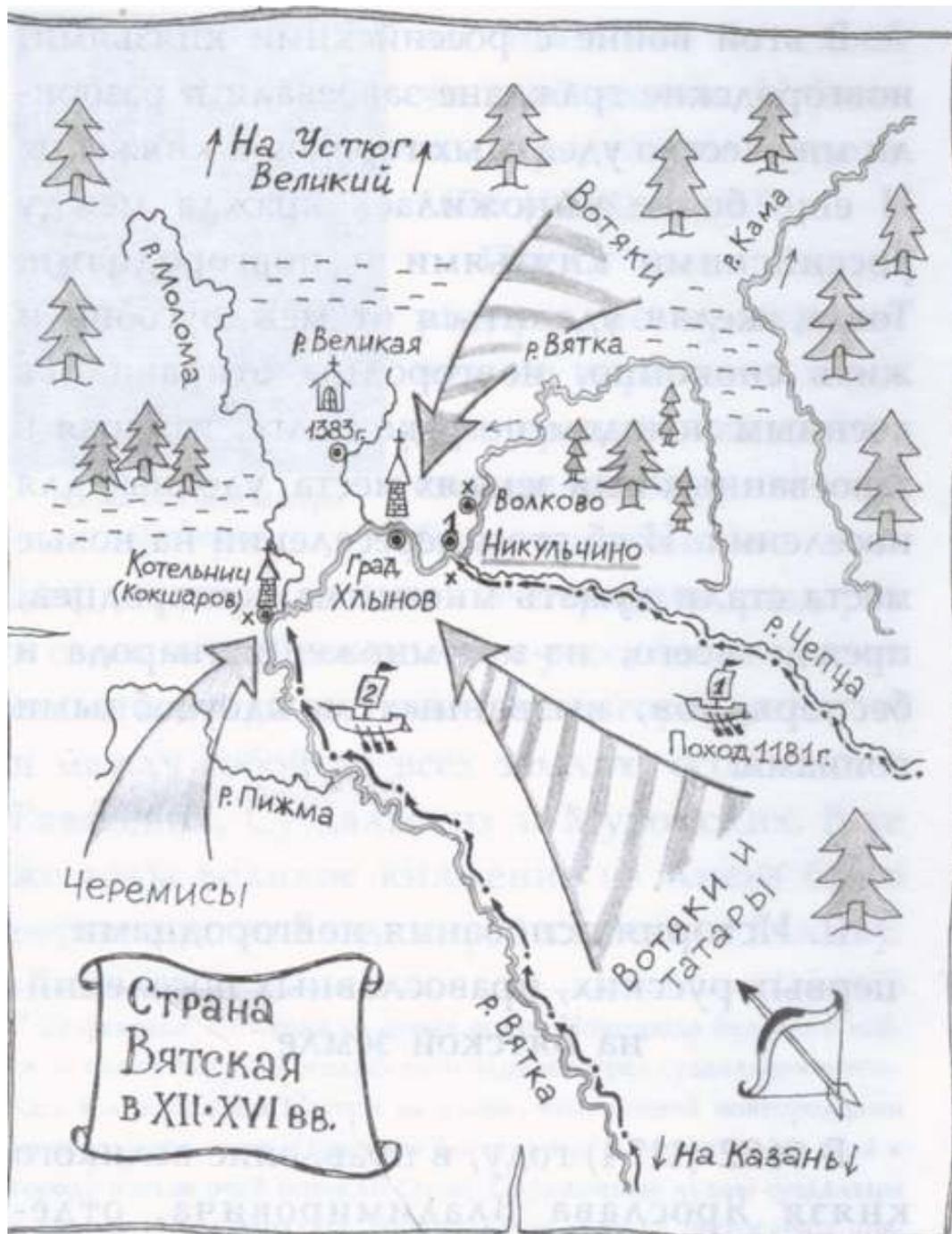
Перелистаем страницы истории назад. До 12 века. На русской земле полыхает пожар вражды между князьями и новгородцами. Борьба продолжается с переменным успехом. То новгородское ополчение завоевывает и разоряет удельные города и княжества, то великие князья, совершают военные набеги на Великий Новгород, завидуя его независимости, но, главным образом, его богатству. Особенно после того, как от Великого Новгорода отделились двиняне, не пожелавшие платить ему установленные подати и перешедшие под власть Суздальского князя.

И вот, желая удалиться от междоусобиц и жить спокойно, значительная часть новгородцев с согласия городского веча отправилась военным походом по реке Волге, избирая в завоеванных землях места, удобные для поселения. Об этом переселении на новые места стали думать многие из новгородцев, в первую очередь, из-за умножения народа (перенаселенности) и по причине беспорядков, вызванных междоусобными войнами.

Как говорит «Повесть о земле Вятской», в 1174 году, во время правления великого князя Ярослава Владимировича, большая дружина новгородцев, с согласия и по воле самих жителей Новгорода покинула его пределы в поисках новых земель. Новгородцы двинулись вначале вниз по Волге, а, дойдя до реки Камы, построили небольшой городок. Им стало известно, что на реке Вятке проживают народности чудь и вотяки, которые владеют многими землями и угодьями. Что они, опасаясь нашествия русских племен, вокруг своих жилищ возводят рвы и земляные валы.

Новгородцы узнали, что земли местных жителей весьма удобны для поселения и что отвоевать их у тех народностей не составляет большого труда. Что и было сделано. Двумя потоками двинулись посланцы Великого

Новгорода в верх по рекам: одна дружина по реке Чепце, вторая – по реке Вятке.

Первое войско, дойдя до Болванского городка, штурмом овладело им, основав город Никулицын (ныне село Никульчино Слободского района). Другая часть переселенцев - воинов, что двигалась по реке Вятке, подошли к черемисскому городу Кокшарову (сейчас это город Котельнич) и без боя взяли его.

Осваивая вновь обретенные земли, новгородцы посылали своих соплеменников для изучения этих земель и, в первую очередь, вверх по течению реки Вятки.

Новгородцам не сладко пришлось в окружении враждебных племен аборигенов. Они постоянно ощущали их давление, отражая непрекращающиеся атаки, набеги черемисов, татар, вотяков. Постепенно происходила ассимиляция местных жителей. Но окончательно точка в противоборстве вятчан (такое название приняли на себя бывшие новгородцы) и изначальных владельцев земли Вятской была поставлена в 1542 году, когда четырехтысячное казанское войско ходило через Вятку на Устюг, а возвращаясь из похода было наголову разбито на реке Моломе сборной дружиной, выставленной вятскими городами. Из всего войска лишь небольшая часть луговых черемисов смогла через глухие леса уйти на реку Пижму.

Увеличивалось население вятичей, поневоле происходила экспансия новых земель, их освоение, закрепление за вновь образуемыми поселениями.

Нужно отметить, что этому способствовала малочисленность коренного населения, его разрозненность, отсутствие крупных центров, общего организующего начала.

Освоение вятской глубинки

Крайне трудно было осваивать лесные заросли с болотистой местностью. Ведь именно по этой причине посылаемые российскими князьями большие войска на Вятку для усмирения своенравных вятчан успеха не имели.

Колонизация проходила неспешно, но верно. Скорей всего, именно потому, что перенаселенность обжитых мест около Кокшарова (Котельнича) заставляла потомков

Великого Новгорода искать свободные места. Они устремились на юг, в сторону Пижмы. Левобережье Вятки в районе Вятской луки оказалось вождленным местом для закрепления Кокшаровских посланников.

Что привлекало их в этих изрезанных логоми и оврагами, заросшими дремучими сосновыми лесами, с обилием махоньких речушек и практически полным отсутствием полей? Думается, в первую очередь, обилие воды, а значит, рыбы, зверья, а также многообразие пород деревьев, произраставших в этих местах (я насчитал более двадцати разновидностей деревьев начиная от дуба, вязов и до ивняка), а также сравнительно мягкий климат с многоснежными зимами и нежарким летом.

Мои предки – умельцы по дереву

Как я уже отмечал, родословная моей семьи (по линии отца) тесно связана с Вятской глубинкой. С тем, чтобы почувствовать ту атмосферу, тот «аромат» взаимоотношений между людьми, нужно отсчитать полтора года и попасть во вторую половину ближе к завершению XIX века. Оказаться на территории Александровской и Большеситминской волостей шестого земского участка Нолинского уезда Вятской губернии. Именно сюда, по семейному преданию, на южную оконечность уезда в неприметный, окруженный со всех сторон лесом Бушмакин починок, из Котельнических предместий (я все - таки считаю эту версию более убедительной), приехал мой пращур Роман Ефимов сын Перминов.

Он был мастеровит. По воспоминаниям, передаваемым из поколения в поколение, у него были золотые руки в работе по дереву. А обилие на новой родине липы, тополей, осины давало возможность

изготавливать множество нужных в семье и в деревенском обществе вещей. О местном умельце молва разносилась окрест. К нему приезжали из других волостей.

Сегодня трудно представить себе, но некогда, при отсутствии простейших станков, при нехватке железа, в деревне строили телеги. При этом, колеса из – под рук мастера выходили огромными, особенно, втулки. Они делались под деревянную ось семисантиметровой толщины (металлических осей было не достать). Повозка получалась громоздкой.

Так вот такие телеги так же изготавливал Роман Ефимович. В этом деле он был виртуоз.

Подрядчик Иван Семенович – мой прадед

Свои навыки он передал по наследству Семену Романову сыну, а тот уже Ивану Семеновичу. Жизнь моего прадеда проходила в нелегкое время – скудные неудобные для земледелия земли уже не могли прокормить увеличивающуюся численность населения левобережья. Был распространен отхожий промысел. Определенную нишу в нем и занял Иван Семенов сын Перминов.

Он выступал подрядчиком. Обладая определенным талантом организатора, он вначале собирал в округе мастеровых, и затем отправлялся с ними за Уральский хребет, в основном в район Кушвы. В осенне – зимние месяцы они возводили деревянные строения состоятельным жителям Каменного пояса. К началу весенней сельской страды обычно возвращались в деревню. Устанавливая жесткую дисциплину в бригаде, мой прадед добивался ее возвращения без потерь и с добрыми заработками. А это заслуга подрядчика. Его уважали, слушали, верили ему и подчинялись безропотно. Состав бригады десятилетиями не менялся.

Состарившись и оставив многолетние мытарства в поисках дополнительных заработков на стороне, он до самой своей смерти был в работе: изготавливал впрок грабли, вилы, бороны, косули, салазки, плел бураки, морды для ловли рыбы. А в 1921 году даже руководил строительством дома для своего сына Александра Ивановича (прежний дом, стоящий в середине деревни напротив пожарного сарая, уже не вмещал две разросшиеся семьи: старшего сына Николая и среднего Александра.)

Слово о деревне

Деревня – это свой патриархальный мирок со своими обычаями, жизненными устоями, своей привязанностью. Идиллии не было. В каждой семье случались небольшие радости, но не щадили её и неожиданные беды. Между селянами и родственными семьями существовали и двойные понятия в отношениях между людьми («подвидная ты», т.е. лицемерная). Копилась зависть, возникали ссоры, и даже драки. Отношения выяснялись подручными средствами.

Народ истово верил в нечистую силу, преклонялся перед Всевышним, соблюдал, пусть внешне, предписания святых праздников.

Расширение деревни происходило за счет освоения неудобий крутого склона угора. То есть, деревня «двигалась» в гору. Отец показывал останки подполья последнего, известного ему дома (по рассказам его деда были строения и ниже, вплоть до избышки основателя починка, но они к началу двадцатого столетия не сохранились), что упиралась в ельник.

Если верить отцу, а не верить ему я не имею права, в начале прошлого века, а возможно, в годы революции, когда «всё наше – всё моё» весь лес на склоне угора до

самой реки был вырублен. И по крутому плато он, отец, на салазках, катался до берега Вятки. На его глазах появлялся новый, ершистый, большей частью еловый, лесок. Почему – то ельник вырастал настолько густо, что редко кто пытался углубляться в него. Такие места в деревне назывались «чащобой». Не дай Бог оказаться в ней! Исцарапаешься до невозможности. Кстати, безлесье на угоре подтвердил и мой троюродный брат Алексей Иванович Перминов. Он был на 18 лет старше меня.

Шло время, лес поднимался и уже в моей молодости он представлял собой мощное зрелище, закрывая часть Вятки. Но песчаная отмель, уходящая далеко в реку, с угора была хорошо видна. И деревенские жители могли наблюдать, где же находится стадо коров: или на лугах, которые хорошо просматривались с Вахонинского подворья, или стоящим по колено в прохладной речной воде. С угора были видны и ребятишки – караульщики.

Сегодня лес закрыл большую часть реки. Можно лишь наблюдать небольшой кусочек лугов и голубеющую полосу Вятки, стремящуюся к Атарской луке.

Я никак не могу поверить в то, что некогда, лет девяносто тому назад, по всему угору произрастал только можжевельник, да низенькие пирамидки елочек.

Мысленно представляя эту панораму, я белой завистью завидую тем селянам, что жили много лет до меня и могли видеть изумительную красоту открывающейся картины. А посмотреть было на что. С высокого угора полукружье реки отделяло другой берег. От села Ишлык до деревни Крупино было не менее десятка поселений. На том берегу леса было немного, не то, что у нас.

Живописная картина могла заморозить любого. В своей жизни я не встречал таких удивительных мест, таких колоритных мазков, коими наделила природа эти по городским меркам захолустные места. Под белым ли покрывалом февраля, под малахитовым ли одеянием июня с падающей прямо в реку небесной лазурью – всякий миг эта природа замораживала меня. Угор – средоточие моих мыслей, моих надежд, моей мечты, мой сказочный мир и остающееся до сих пор окошечко в детство. Сегодня он вновь приобретает свой изначальный вид – зарастает. Еще несколько десятков лет и всё здесь погрузится в лесную тишину, прерываемую только пением птиц.

Малая родина – это не только деревня Токари

Моя малая родина представляет собой сильно гористую местность, изрезанную оврагами и логами. Нужно отметить, что поля, большей частью расположены на склонах, которые оканчиваются либо крутыми склонами заросших хвойными лесами оврагов, либо обрывами, стремящимися к реке.

Чрезмерная изрезанность местности не способствовала образованию крупных селений. Достаточно сказать, что в конце XIX века из 387 населенных пунктов, расположенных в границах шестого земского участка 160 селений имели в своем составе не более 10 дворов. Из 31 956 жителей (данные 1895 года), проживающих на участке, 3300 «душ обоего пола» приходилось на Александровскую волость.

Худосочная почва и обилие оврагов

По свидетельству земского начальника П. Тронина, почва этих мест не отличалась плодородием. Уже в то время она была истощена и крайне неудобна для обработки. Большая её часть состояла из суглинка с подзолистым характером, супеска и песка. Естественно, земля во многих селениях переставала быть кормилицей, подчас от неё желали избавиться, особенно, из числа бездомовых и безлошадных семей, число которых с каждым годом увеличивалось. Набирал обороты отхожий промысел. Причем, если за пять лет с 1890 по 1995 год на стороне проживало законным образом 230 семей, то находящихся в бегах без видов числилось значительно больше. Хронист отмечает, что стремление к переселению, благодаря установленным государством льготам усиливается и если обстоятельства не изменятся к лучшему, то и настоящие оседлые крестьяне один за другим последуют за ушедшими в сибирские края и участок мало-помалу опустеет, (по сути, это и произошло, пусть по иным причинам, через шесть десятков лет).

В то время автор видел один способ борьбы с этим нежелательным явлением в поднятии благосостояния крестьян сбавкой выкупных платежей после реформы 1861 года и немедленной отрезкой излишка земель в казну.

Сегодняшнему читателю, наверное, небезынтересно узнать, что ещё сто двадцать лет назад земледелие велось по трехпольной системе. Орудиями служили большей частью косули и бороны с деревянными и железными зубьями. Первобытная соха к тому времени все более и более вытесняемая, все ещё держалась и довольно крепко. Население даже отмечало преимущество сохи перед косулей. «Косуля слишком чисто проводит борозды и на них ничего не растет, а потому, при пашне

косулей, необходимо иметь соху для проведения крайних борозд»- говорили крестьяне.

Что же засевали наши прадеды? Главным образом это были: рожь, овес, лен, затем, ячмень, пшеница, в меньшем количестве – картошка, полба, горох, греча, чечевица, репа, ярица и конопля. Поскольку сев производили по старинке, вручную, не отсортированными семенами, то и получали зерно мелкое и не высокого качества.

Значительные посевы льна объясняются необходимостью изготовления одежды. Причем, лен старались не продавать, иначе как в обработанном виде холстом.

Травы старались не высевать. В лучшем случае, в виде опытов на одворицах на небольших участках высевали клевер и тимофеевку.

Отхожий промысел, как подспорье

Поскольку малопригодная и при том истощенная земля не давала средств достаточных для жизни, в селениях определенное распространение получили промышленные и торговые заведения, в т.ч. кузницы, маслобойки, кирпичные производства, мельницы. Только на территории Александровской и Большеситминской волостей действовало девять водяных мельниц.

Как уже упоминалось, из местных промыслов более всех развито было плотничество, потом кустарные производства из железа и дерева. Свою нишу занимали пильщики (до появления и распространения лесопилок). Исходя из этого, понятно, почему главным подспорьем для крестьян этих мест служил отхожий промысел, который был сильно развит как в Александровской, Большеситминской, так и в Чертищевской волостях. Дело приняло такой оборот, что в этих волостях практически не оставалось семей, которые бы не отпускали одного – двух из своих

членов на заработки в Пермскую, Уфимскую губернии и в Сибирь. Даже установился такой порядок (нечто вроде обычного права): семья делилась на две половины, из которых одна идет на заработки, обязуясь высылать деньги на поддержку хозяйства и подати, а другая остается дома, с тем, чтобы вести хозяйство, отправлять натуральные повинности, высылать ушедшим виды на жительство.

Причины антагонизма

К сожалению, такая идиллия в последние годы позапрошлого столетия стала давать сбой. Несмотря на родственные связи и симпатии людей, ушедшие жаловались, что они напрасно окупают подать или часть её за землю, которой не пользуются, а оставшиеся дома были недовольны тем, что вследствие неисполнения ушедшими данных обязательств по высылке денег, ведение хозяйства на истощенной почве становится не под силу и если это будет продолжаться, они, окончательно разорившись, будут принуждены совсем отступить от земли.

Однако, отхожие промыслы доставляли сильное и надежное подспорье. Возьмем опять же Александровскую волость. За пять лет (с 1890 по 1895 гг.) с заработков, только через волостное правление было получено 75 тыс. рублей, т.е. по 15 тыс. рублей в год, в то время как всех платежей с волости, включая сюда и мирские и страховые, было немногим более 9 тыс. рублей.

Возникший антагонизм между ушедшими на отхожий промысел и оставшимися дома, стремление первых место своего временного жительство на заработках сделать постоянным, предвосхищал катастрофу для оседлых крестьян, которые говорили, что в этом случае земля их «совсем задавит». И вот почему лишенные былой

поддержки, крестьяне переходят в разряд почти поголовно недоимщиков. Передавать же отрезки излишка земель в казну для обеспечения платежей сильно препятствовало чересполосное владение. Дело в том, что каждый домохозяин в каждом из трех своих полей имел от 10 до 20 полос и выдел участка в одном месте должен был неминуемо повлечь за собой общий передел земли, на что домохозяева более состоятельные и вследствие этого лучше удобрившие свои наделы, вряд ли бы согласились. А без передела отрезка была невозможна.

Эх, дороги

Несколько слов о дорогах. По территории Александровской волости на протяжении 45 верст проходил Нолинско – Яранский тракт, который находился в ведении земства. По рассказам отца по обеим сторонам тракта еще во времена Екатерины Великой были посажены березки способом трудовой повинности проживающих в данной местности крестьян. Ещё 50 лет назад состарившиеся, но все еще сохраняющие свою стать березы цепко держались за землю оголенными жилами корней. Сегодня они в большинстве своем лежат иструпевшие, уступив свое место молодой поросли.

Проселочные дороги исправлялись натурой, причем их состояние не всегда было удовлетворительно. Особенно, зимой, когда их границы отмечались обычными вешками из молоденьких елей.

Один врач на 32 тысячи жителей

Нельзя не упомянуть о медицинском обеспечении населения. На весь 6 участок Нолинского уезда, а это как

сказано выше, 387 поселений и около 32 тыс. жителей, был один врач, в ведении которого находились ещё 2 волости (Зыковская 1-го участка и Верхосунская 5 - го участка).

Приемный покой врача находился в селе Лудяно – Экономическом, там же располагалась и крошечная больничка для заразных больных. И, что интересно, несмотря на страшные неудобства, отдаленность, нелучшего состояния дороги, крестьяне охотно прибегали к помощи сельского эскулапа, особенно, если видели в нем человека, сердцу которого близко дело народного здоровья. Здесь долгое время помнили врача П.М. Лоскутова, который в 1891 году уехал в Казань. О нём вспоминали добрым словом и с горечью добавляли: «такого больше не видать».

Неразвитость системы здравоохранения и медицинская безграмотность способствовали тому, что тиф постоянно присутствовал на этой земле.

Суд и здравый смысл

Небезынтересно, полагаю, узнать и о системе судопроизводства. Волостные суды, преобразованные по закону от 13 июля 1889 г. (старого стиля) со своими обязанностями справлялись вполне удовлетворительно. Так, по статистическим данным, по Большеситминской и Александровской волостям за 5 лет (1891- 1895 гг) было рассмотрено 1116 дел (в среднем за год по 279 дел), обжаловано 145 , из них отменено только 76.

Если принять во внимание с одной стороны трудность решения некоторых дел, например, споров земельных и об одворицах, а с другой – состав судов, члены которых не были знакомы с юридическими тонкостями и руководствовались исключительно здравым смыслом, то нельзя не признать , что новый крестьянский

суд, получивший по решению императора Александра III более широкие полномочия, в полной мере оправдывал в тот период свое предназначение.

Натуральная повинность и экономика уезда

Сегодня только архивные документы отчасти могут воссоздать картину далекого прошлого. Как известно, согласно общему положению на крестьян возлагались общие натуральные повинности. Но со второй половины 1892 года по приговорам волостных сходов была установлена особого рода натуральная повинность – «сноповая», которая заключалась в том, что тотчас по сжатию хлебов сельские старосты через деревенских старшин собирали с каждой платежной души по снопу ржи и овса «для пробного умолота». Поскольку количество платежных душ и число десятин, находящихся под пашней земли в каждом селении было известно, то появилась возможность по этим данным довольно точно определять средний урожай в каждом сельском обществе, а, если возникнет необходимость, то и в каждом отдельном селении. Когда происходил сбор снопов, сельские старосты одновременно собирали сведения о количестве в селениях лошадей, коров, овец и т.д. Таким образом, старосты довольно точно определяли экономическое положение каждого селенья в своем обществе. А это значит, что земский начальник ежегодно имел сведения об экономическом положении вверенного ему хозяйства. А в волостях через продажу зерна и соломы от собранных снопов формировались определенные капиталы. Эти средства направлялись на содержание школ грамоты, на приобретение семян улучшенных сортов для последующей продажи их крестьянам (например, овса шатиловского, ячменя моравского, льна псковского, ярицы шлиссельбургской и т.д.)

Несмотря на единогласное решение волостных сходов о введении сноповой повинности, многие отказывались от уплаты под разными предлогами, а сбор осуществлялся лишь потому, что по приговорам (решениям) являлся обязательным. Но и здесь недоброжелательное отношение селян нашло уловку: предоставлялись снопы самые плохие, почти оломотки.

Беспокойные селяне

Хотелось бы остановиться на нравах, характеризующих население Нолинского уезда конца XIX века. Летописец отмечает, что шестой земский участок (а в его состав, как помнит уважаемый читатель, входили Александровская и Большеситминская волости – места малой родины автора) принадлежал к числу самых беспокойных. Летописец отмечает: «Народ здесь груб, своеволен, дерзок, излишне склонен к употреблению спиртных напитков и сверх того отличается сутяжничеством». Зачем далеко ходить за примерами: рядом с деревней Токари располагалась роща «Малая Сутяга», за нею – «Большая Сутяга».

Причиной такого нравственного склада летописец считал в первую очередь увлечение населения отхожими промыслами, которые привольной жизнью на стороне усугубляли дурные стороны характера, угнетали добрые задатки воспитания в патриархальной среде.

И даже реформа от 12.07.1889 г., введенная в Нолинском уезде с 01.07.1891 года (старого стиля), которая ограничила своеволие и лишила буйные характеры былого простора, произвела сильное брожение умов, которое выразилось в увеличении жалоб в земство. Прежде всего, причинами недовольства определенной части и, в первую очередь, зажиточного населения, явилось ограничение самовольства кулаков (этот термин

возник задолго до революционной смуты начала XX века), лишение общественности выпивки, без которой прежде не обходился ни один сельский или селенный сход, постепенное введение права в бесправные (зависимые от водки) отношения крестьян, связанных между собой общинным землевладением и отправление натуральных повинностей.

Отголоски «старого доброго времени»

Чтобы сохранить за собой во чтобы то ни стало хоть часть прежнего влияния на сходы заправили возбуждали общество против новых порядков, хваля старое доброе время. При этом они изловчились срывать с крестьян и ходатайствующих перед сходом по каким – то вопросам, магарыч в размере 1-2 ведер водки. Но действовали при этом тайно.

Примечателен пример. Летописец, называя конкретных лиц, указывает, что такие вещи были обыденностью. Когда возник вопрос о принятии или непринятии в свою среду приехавшего на постоянное местожительство крестьянина, жена этого крестьянина обратилась к заправилам общества (неформальные лидеры?) за советом: «Как быть?» Они ответили так: «Водки купишь и муж будет принят, а, так как на сходах земский пить не дает, то пройди теперь же по деревням и посули. Тогда и водки на сходе не будет и муж твой будет принят». Это требование было выполнено безоговорочно.

Нужно отметить, что характеризуя нравственность среди поселян шестого земского участка Нолинского уезда, в Большеситминской и Александровской волостях положение значительно лучше.

Мимоходом об обычаях предков

Особо хотелось бы остановиться на обычаях, бытовавших в селениях моей малой родины задолго до моего рождения. Для меня это крайне интересно, я хочу представить воочию тот быт, то взаимоотношение людей, тот дух общинной жизни, те особенности быта забытые, канувшие в лету.

Достаточно сказать, что к концу девятнадцатого века такие обычаи, как коляда, проводы зимы и встреча весны постепенно отмерли. Сохранились, пусть не в полной мере, рождественские гадания и празднование масленицы (кстати, воскресшие во второй половине века двадцатого, связанного, скорей всего с лихолетьем военной поры 1941 – 1945 годов).

Но весьма интересно то, что свадебные обряды сохранились почти неизменными вплоть до революционных потрясений начала двадцатого столетия. Безусловно, в обычаи вносились изменения, адаптируя их к новому времени, но основа их сохранялась до конца 50 – х годов века прошлого.

Порядок проведения свадебных празднеств

Итак, конец девятнадцатого века. Предоставим слово очевидцам того времени.

«Некоторое отступление от старины в других обычаях замечается, например, в том, что ныне невеста сватается большею частью с согласия жениха, тогда, как в старину с ними по этому советам не держали, и все дело сватовства совершалось сватом и отцом жениха, а самому жениху оставалось только жениться на избранной ему подруге жизни и коротать с нею век.

Свадьба – большой праздник у крестьян. К нему готовятся в изобилии яства, питья; покупается от 3 до 6

ведер водки. А так как помимо сего нужно внести выкуп за невесту (от 20 до 60 рублей), заплатить священнику за совершение брака, то крестьянину средней руки приходится продавать вторую лошадь, корову или что-нибудь из домашней принадлежности, а несостоятельному – искать ресурсов на стороне. Нередко поэтому случается, что затеяв свадьбу, отец с сыном, оба вместе, берут у подрядчика задатки и, закабалившись таким образом вперед почти на год (с первой недели Великого поста до праздника Введения), вскоре после свадьбы отправляются отрабатывать израсходованные на свадьбу деньги.

Порядок свадебных празднеств в общем приблизительно следующий. Когда чрез сваху делается известным, что намеченный брак может состояться, в дом невесты приезжают жених с отцом и свахой. Невеста, наряженная в свой лучший костюм, подает на подносе гостям или чай, или квас, и если при этом произведет хорошее впечатление на жениха и его отца, то начинают договариваться о цене запроса, рядятся, торгуются точно так же, как при продаже домашних животных.

Если в цене сойдутся, невеста перенаряжается в другой костюм, жених идет за ней в середу (место пред печкой, отделенное занавеской), выводит оттуда и все садятся за стол. Вечер кончается небольшой пирушкой.

Затем, большею частью накануне свадьбы, в доме невесты устраивается девишник, на который жених приезжает с водкой и гостинцами. Подает первоначально по рюмочке невесте и её подругам, а затем угощает остальных гостей. Девушки, подруги невесты, поют свадебные песни, а сама она горько плачет (нельзя не плакать: осудят, скажут, что замуж захотелось). Девичник оканчивается изрядной пирушкой. В день

свадьбы, лица, приглашенные в поезд, собираются утром к жениху, и каждый из них обязательно привозит гостинец: кто мяса, кто баранины, кто хлеба.

Здесь на сцену выступает дружка (шафер), который играет на крестьянских свадьбах большую роль и управляет всем ходом церемонии. Речи, какие он при этом произносит, хотя и дополнены позднейшими вставками, однако, несомненно, носят на себе печать старины и настолько интересны, что стоит привести их текст, записанный со слов крестьянина дер. Щепов Чертищевской волости Ивана Александровича Корестьянинова. Вот он:

Свадебные речи

«Если у нашего князя молодого отец и мать благословенные люди, благословите дружку хлеба – соли порушати, гостеньков поподчевать, для князя молодого, для тысяцкого, для большого боярина, середняго, меньшого, для свахоньки с повозничком, с пивным извозчиком, для друженьки с полудружьцем.»

Дружке приносят каравай хлеба, он вырезает на нем небольшую часть и кладет щепотку соли. Затем вырезанную часть снова вкладывает на прежнее место, завязывает во что-нибудь каравай и кладет его на полку. После сего дружка читает молитвы: «Отче наш», «Символ веры», «Да воскреснет Бог», и гости по чинам садятся за стол, едят и пьют, пока не подадут закрытого блюда. При появлении этого блюда встают из за стола, и дружка говорит:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Боже, помилуй нас! (произносится три раза). Если у нашего князя молодого отец и мать, благословенные люди, умели свое дитя милое вспоить, вскормить, умели на ум на разум научить, умели снарядить, умеите и благословить под злат венец,

на шелковый подножник встати, брак получить с милостью Божьей и с радостью».

Родители благословляют жениха иконой и хлебом. Икону берет тысяцкой, а хлеб дружка, и все выходят из дома. Выехав из ворот, дружка останавливается и, стоя в санях, произносит:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Боже, помилуй нас (тоже три раза)! Все ли в скопу, все ли в собрании? Все ли сляли, все ли взяли, не забыли ли чего? Свахонька, сурядихонька, весь поезд снарядила, - все ли ты взяла? Взяла ли ты кунью шубу, шелковую тафту, гумажные чулки, красные башмаки, пенное мыло, белы белила, красны румяна, частой гребешок? Все ли ты взяла? – подумай! Благословите меня, княжеского дружку, вперед ехать горами, долами, темными лесами, траву зелену разнимать, с лесу куфты обивать, сучки поломать, путь – дороженьку топтать, вас, добрых молодцов, пропускать. Кто встречу попадет, не станет воротить, того станем по шее колотить».

По приезде к невесте дружка, прежде чем войти в избу, говорит за дверьми:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Боже, помилуй нас (три раза)».

Из избы отвечают: «Аминь». Тогда дружка входит и продолжает:

«Сват и сватья! Брали ли винцо, варили ли пивцо? Ожидали ли гостей с разных волостей? Ехали мы на курице, очутились у вас на улице. Шел я в ограду, хотелось ограбить, да дай погожу, да хозяину доложу. И шёл я по сеням, меня чуть телята не съели: телята страшные, лбы стычные! Шёл я у вас по сенечкам новым, по приступочкам частым. За дверьми молитву сотворил, тогда я избу отворил. Скок с друженькой через порог, едва ножки переволок. Взглянул на потолок, - чуть глазкам поволок. Глазки мутятся, уста шевелятся. Охота со

сватом и сватьюшкой спознаться. Сват и сватьюшка, отец и матушка, любезный домовой, слазь с печи – поговорим со мной. Как вы сват со сватом сходились, какие речи говорили, по рукам колотили, зелено вино пили, при этом деле окольные люди были. При том деле меня не было. Я, дружка,- сторонний человек, посыльный. Послал наш князь молодой про вашу княгиню спросить, саму про себя наперед рассказать, целом ударить, челобитье справить. Друженька приспотел, испить захотел, сердце отвести стаканчиков до шести, не портить своего брюха, выпить до суха. – (Дружке подносят выпить). – Стоит наш князь с тысяцким, большим боярином, средним, меньшим, со свахонькой с повозничком, с пивным извощичком. Стоит в чистом поле, широком раздолье, на коврах, на бобрах, в черных соболях. Сани шиковые, кареты золотые, кони вороные, седла дорогие, шпеньки золотые: не ради бодрости, ради крепости, чтоб крепко было! Стоят они в куньих шубах, лисьих шапках. Кушачки шелковы, сапожки козлиные. Стоят они под златым месяцем, частым звездам, кудрявой березой,- в добром здравии. Ваша княгиня какво поживает? Все ли во спасении, все ли в сохранении, все ли в добром здравии? (Отвечают: «все слава Богу»). – Друженька приспотел, испить захотел, сердце отвести, стаканчиков до шести, не портить своего брюха, выпить до суха. (Угощают дружку). Сват и сватья, гости званы, гостеньки почитаны! Благословите нашего князя молодого с чистого поля съехать, в широкие ворота въехать; к дубову столбу, золотому кольцу коней привязать. У нас кони приустали, приспотели, ести захотели. Нашим коням сена кошеного, хлеба печеного, овса толчёного; было бы дано – сами потолкуют. Сват и сватья, гости званы, гостеньки почитаны, кои сидят в куть по лавице, из куты по скамеице, стары старики, пожилые молодцы, гладкие головы, широкие бороды, на дороге не стойте, идите в

куть, я вам принесу шерсти пуд,- её теревите, да свои бороды берегите. Не засорите! С середины по лавице молоды молодки, белы лебедки, браны вороточки. Красные девицы, пирожные мастерицы, яичные пагубницы. Старые старушки, сметанные полизушки, кривые шашмурки, косые заплатки, кисельные брюха, жимолостные ноги, идите в подполье ухватом блох из заплат выгонять! Маленьки ребёнки, свиные пупки, поросячьи желудки, кисельные выжимки, тараканьи выползки! Друженька приспотел, испить захотел, сердце отвести, стаканчиков до шести, не портить своего брюха, выпить до суха, (угощают оратора, и он продолжает). Сват и сватья, гости званы, гостеньки почитаны! Благословите нашего князя молодого с тысяцким, с большим боярином, серединным, меньшим, свахонькой, с повозничком, с пивным извощичком пройти по красному крыльцу, по калинову по мостику, в тепло гренье войти, под икону встать. За питье за медовое, блюдечки точены, за вилочки троечники, за ложечки резчатые, за жбанчики кетровые, за облучки дубовые! Были бы нам сошки о четыре ножки, было бы нам куда сести, был бы для меня, дружки, стульчик с перильцам, чтобы навалиться, была бы ложка долготоченка, как скоро хлебнул, диких ребят в лоб колонул, её за пояс заткнул, чтобы они низко с полатей головы не вешали, на наши тонкие кафтаны соплей не отпускали и шли с печей долой, а непряжи домой. Дружка приспотел, испить захотел, сердце отвести, стаканчиков до шести, не портить своего брюха, выпить до суха».

Дружку угощают и затем отец и мать с приглашенными на свадьбу идут встречать жениха с поезжанами, при чем всех их, кроме жениха, угощают водкой. Входят в избу по чинам: сначала жених, за ним тысяцкой, свахи и другие. Стольник невесты

(распорядитель) приглашает их за стол, а дружка говорит:

«Сват и сватья, гости званы, гостеньки почитаны! Благословите друженьку с подружьицом ко княгине молодой сходить с куньей шубой, шелковой тафтой, гумажным чулкам, красным башмакам, с пенным мылом, белым башмакам, красным румянам, частым гребешком Белая занавесь распахнись, красны девицы расступитесь на все четыре стороны! Дайте дружке дорожку, не ступить бы вам на ножку, не пожать бы вас за ручку, не хватить бы вас за Вас бы не остыдить, самому себя не осрамить. Вам будет стыдно, а мне головушка долой. (обращаясь к невесте). В послы посылает наш князь молодой ко княгине своей друженьку с полудружьицем с цветным платком, с куньей шубой, с белым белилам, красным румянам, пенным мылом, частым гребешком. Встань-ко, молодая княгиня, супроти княжеского дружки на ножки, за гостинец принимайся, потеплее одевайся, поскорее обувайся, с нам в княжеский полк собирайся, от нас, молодцев, не оставайся. Все ли вам я рассказал? Нет ли жалобщиков? Если есть жалобщики, то скину сапог, разверну онучу, три дня промучу. А если и этим недовольны, то есть у нас человек со Слудки: он промучит все девятеры сутки».

Невеста в это время сидит «на середе», окруженная девицами. Она горько плачет, а подруги поют песни. Отдав дары (завязанный узел), дружка уходит. Невесту одевают, а в это время поезжане садятся за стол. Когда невеста готова, идут к ней сначала отец и мать, которым она кланяется в ноги, плачет и причитает, а затем жених ведет невесту; все садятся за стол и начинают (кроме жениха и невесты) столовать. Невеста дарит поезжанам чрез стольника, который, прежде передачи подарка, угощает гостя стаканом водки с приличествующим обстоятельству приговором. По

окончании стола, происходит благословение невесты иконой и хлебом, из которого в вынутую часть помещают часть соли из хлеба жениха. Затем идут в ограду; жених садит невесту к свахе, а сам садится с тысяцким, и отправляются под венец, предшествуемые дружкой. Прежде выезда, дружка произносит слова, подобные тем, какие говорил при выезде из дома жениха. От венца приезжают в дом молодого. При встрече молодых бывают разосланы войлоки от места, где должны остановиться их сани, до избы. После встречи молодых все садятся за стол и начинается свадебное столование, - сначала чай, а потом ужин, открывающийся речью дружки.

«Кланяется наш князь молодой со всем полком княже-нецким, с тысяцким, большим боярином, средним, меньшим, свахонькой с повозничком, с пивным извощичком, с друженькой с полудружьцем. Батюшке, матушке испивать, наш хлеб – соль покушать, низкий поклон отдать».

Отец и мать жениха отвеживают поднесенного вина. Открывают блюдо, пред тем закрытое, и всем подносится по рюмочке или стаканчику. Молодому дружка говорит:

«Господи Иисусе Христе Сыне Боже, помилуй нас (трижды)! Ножки идут, ручки несут, буйна голова с поклоном, язык с приговором. Винцо с перцем, испивать к сердцу. Сахаром посыпано, виноградом поливано, виноград кистям, испивать №№ (такого – то) устам.- Поклонитесь: князь выпивает!»

Тоже иногда говорится и остальным гостям. По окончанию несложного ужина молодых отводят на подклет, куда приносят им есть, потому что за общим столом молодые не должны есть много, а прежде, в старину, совсем не ели.

На другой день бывает большой стол. С утра дружка с товарищами, которые побойчее, отправляется позвом, «к коробейникам», т.е. за отцом и матерью молодой,

попировав там, они возвращаются вместе с отцом, матерью молодой и привозят имущество - приданое. Поезжане принимаются за работу: начинают втаскивать сундуки или коробки, причем за каждую вещь, хотя бы весом в несколько фунтов, берутся человека четыре, шесть. Ухают, стараются, но втащить не могут, пока им не подадут по стаканчику. На другом пороге та же история. Окончив эту церемонию, гости по чинам рассаживаются за столом, и начинается большое столование, которое оканчивается далеко за полночь. Вечер завершается проведением молодых на подклет, где молодые угощают гостей водкой, а гости дарят молодых деньгами и получают от молодухи по поцелую. Здесь пляшут, шутят, всякий старается показать свою удаль, а дружка забавляет всех своими рассказами и прибаутками.

Третий день – блины, при печении которых молодуха должна показать свою ловкость и изворотливость. Всякий старается помешать её работе: стащить подмаз, сковородку, разливательную ложку, сковородник, даже квашонку и – горе неповоротливой молодухе, если она что проглядит! Сразу установится о ней плохая репутация.

Села и приходы на территории Малой родины

На территории моей Малой родины располагалось несколько сел. Но с двумя из них у меня связано много теплых воспоминаний. Это село Ишетское и Богословское (Ситемка). Село Ишеть довольно живописное по расположению, стояло на левом берегу Вятки, при впадении в неё речки Ишетки. Время основания села относится к концу семнадцатого столетия, приблизительно к 1695 году. Единственным документом, сохранившимся в церковном архиве, на основании которого

можно судить о времени открытия села – это копия с прошения основателей прихода, поданного в 1693 году архиепископу Вятскому и Великопермскому Ионе относительно постройки деревянной церкви. Место, где была построена церковь, принадлежало до 1763 года архиерейскому дому и потому село было ранее известно под названием Ишети архиерейской. С течением времени от Ишети отделилось множество деревень, вошедших в состав приходов, вновь образовавшихся: Татауровского, Верхоишетского и Опаринского.

Село Богословское (Ситемка) Александровской волости, находилось близ деревни «Сухая Ситемка», которая получила свое название «Сухой» из-за отсутствия воды. Ближайшее место течения речки Ишети (Ишетки), которая давала селянам воду, находится на расстоянии около двух километров и путь к ней – сплошная гора, сильно затрудняющая доставку. Попытки выкопать в те годы колодец оказались безуспешными - воды не нашли.

Открыто село в июне 1860 года и образовалось оно из части прихода села Ишлыковского Яранского уезда. Деревень в приходе – 29. Починков с населением раскольническим – три: Хлюпинский, Мансуровский и Егоровский. Духовенство пользовалось мерной ругой по одному пуду ржи и овса с венца (брачной пары), но прихожане, хотя и обязанные по приговору давать мерную ругу, исполняли эту повинность неохотно и неаккуратно.

Церковь в селе была небольшая деревянная. Домов для духовенства три.

Несмотря на то, что деревня моя, когда – то входила в состав Большеситминской волости, на территории которой находились два села: Афанасьевское (Ситминское) и Красногорское (Безносики), об этих селах рассказывать не хочу, потому что в памяти моей они никак не отразились, в них я ни разу не был.

Распространение грамотности

В конце девятнадцатого века на территории моей Малой родины в селе Богословском располагалось Богословское земское училище. Основание училища относится к 1860 году. И, поскольку село образовалось из деревень, приписанных к Петропавловскому удельному приказу и составлявшее часть села Ишлыковского Яранского уезда, где было народное училище удельного ведомства, для обязательного обучения удельных крестьян этого приказа, то в селе Богословском было образовано первоначально отделение Ишлыковского удельного училища. Это отделение существовало до 1865 года до времени освобождения крестьян от крепостной зависимости и образования Александровской волости. С этого момента школа была предоставлена самой себе и обучением грамоте, которое, по рассказам, не прекращалось ни на один год, занимались то приходской священник, то дьячки, получая небольшое вознаграждение из Александровского волостного правления и от родителей учеников, а в последствии и – единовременные пособия от земства. С 1881 года школа была преобразована в церковно – приходскую и помещена в бывшем молитвенном доме, а в 1883 году с 01 января была принята в ведение земства. Выстроенный в 1885 году крестьянами отдельный новый дом под училище был выкуплен земством у общества, но не был в полной мере приспособлен для классных занятий. В школе обучались от 60 до 80 человек. Преподавателей было три человека: законоучитель, учитель и помощник.

Нужна новая церковь – каменная

Ранее уже упоминалось, что в конце девятнадцатого века в с. Богословском (Ситемке) действовала небольшая

деревянная Троицкая церковь. Она уже не удовлетворяла потребностям прихожан и церковно – приходским сходом в 1897 году было принято решение о строительстве новой каменной церкви. Любопытен в этой связи документ, обнаруженный в краеведческом музее г. Советска Кировской области.

«Слобода Кукарка. Тысяча восемьсот девяносто седьмого года июня двенадцатого дня мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны, уполномоченные от прихожан села Богословского Александровской волости Нолинского уезда, крестьян той же волости: починка Соловьевского Владимира Евдокимова Мансурова, **починка Бушмакина Павел Иванов Хлюпин, запасной фейерверкер из крестьян того же починка Семен Никитин Перминов** и запасной бомбардир из крестьян починка Чертищева Алексей Лаврентьев Тетерин, действующих на основании приговора церковно – приходского схода прихожан помянутого села Богословского, постановленного в присутствии местного священника о. Александра Зубарева, церковного старосты Дмитрия Мартемьянова и других членов попечительства 7 марта сего 1897 года и явленного того же числа в Александровском Волостном Правлении и, с другой стороны – крестьянин Вятской губернии Котельнического уезда Красовской волости деревни Займища Кусковского Ивана Дмитриева Лебедева, заключили настоящий контракт в том, что я, Лебедев, принимаю на себя обязанности выстроить за двадцать тысяч рублей и пятьсот пудов хлеба вместо имеющегося в селе Богословском Нолинского уезда деревянного храма, пришедшего в ветхость, каменный, на связующих, изъясненных в вышеупомянутом приговоре, условиях:

1. Новый храм должен быть выстроен без изменения, если не будет к тому препятствий со стороны архитектора, по плану, который утвержден Епархиальным начальством.

2. Церковь новая каменная должна быть выстроена из приготовленного Лебедевым материала и согласно проекта по указанию архитектора.

....

21. Кладку церкви начать с настоящего тысяча восемьсот девяносто седьмого года и окончить в семь лет, то есть в тысяча девятьсот третьем году и в этом году окончить всю работу, какая указана выше и сдать к освидетельствованию архитектора; причем работа должна быть произведена с первого мая по первое сентября.

22. Работу производить с таким расчетом: в первый год стройка церкви должна быть доведена до цоколя и изготовление кирпича потребного для следующего года; второй год – до половины окон; третий год до куполов, четвертый год своды и карнизы, пятый – колокольни и купола, шестой и седьмой год - окончить работу по украшению церкви внутри. Кроме того, каждый год должно быть заготовлено потребное количество кирпича и других материалов для будущего года.

23. Канавы под бут должны быть вырыты прихожанами; бутовый камень для канав, около двухсот тысяч кирпича, должны быть со счета прихожан, а весь же остальной материал, кирпич, железо и прочие необходимые для стройки церкви и отделки её, исключая иконостас, должны быть со счета Лебедева. Делать кирпич Лебедев должен в готовых для него сараях; кирпич должен быть лучшего достоинства и употреблять его в кладку по освидетельствованию и одобрению архитектора или членов строительного отделения; причем, печь и подвозка его со счета прихожан, а дрова для обжига кирпича со

счета Лебедева, подвозка же их, если они будут находиться не далее двадцати верст от места стройки церкви, от прихожан, подвозка железа из Кукарки, песку – от прихожан, а подвозка кирпича из сараев и известка и подвозка воды при кладке – от Лебедева.

24. В рабочее время Лебедев не должен отвлекать народ от полевых работ.

....

Я, нижеподписавшиеся удостоверяю, что подписи под сим сделаны собственноручно в присутствии моем, Алексея Викторовича Капустина, Кукарского нотариуса, в конторе моей в слободе Кукарской по Казанской улице в доме Жилина крестьянином Котельнического уезда Красовской волости починка Займища Кусковского Иваном Дмитриевым Лебедевым, живущим в г. Космодемьянск по Нагорной улице в своем доме, лично мне неизвестным, представившим в удостоверении самоличности своей, при невозможности удостовериться в том основании, паспорт из Красовского Волостного Правления от 01 июня 1896 года за №339, выдавшим мне на основании 1740 ст. X т.1 ч.Св. Зак. Гр. подписку, и уполномоченными от прихожан села Богословского Александровской волости Нолинского уезда, крестьянами той же волости починка Соловьевского Владимиром Евдокимовым Мансуровым, починка Бушмакина Павлом Ивановым Хлюпиным, запасным фейерверкером из крестьян того же починка Семеном Никитиным Перминовым и запасным бомбардиром из крестьян починка Чертищева Алексием Лаврентьевым Тетериным, действующим на основании приговора церковно – приходского схода прихожан помянутого села Богословского, постановленного 7 марта сего 1897 года и явленного того же числа в Александровском Волостном Правлении, в подлиннике мне представленными, живущими в названных починках, лично мне неизвестными, самоличность коих удостоверили

известные мне свидетели: запасной унтер – офицер из крестьян Яранского уезда Кукарской волости деревни Зараменской Филипп Петров Шатунов и священник села Богословского Нолинского уезда Александр Александров Зубарев, которые и выдали мне на основании Рук. Нат. подписку – июня 12 дня 1897 года.

По реестру 381 ст. 137 и 201.....

Причастность моих сельчан

С этим документом я познакомился в одно из последних посещений родных мест и был до чрезвычайности взволнован. У меня было такое ощущение, будто я сквозь столетие встретился со своим прапрадедом. Неужели это правда? Смущало только то, что Семен Никитин Перминов здесь значится запасным фейерверкером, т.е. состоящим в пожарной команде деревни. Об этом отец в своих воспоминаниях не обмолвился ни словом. Будь такое – он не преминул бы упомянуть. По приезду домой, сравнив прежние записи своего родителя, я понял, что упомянутый в договоре человек вовсе не мой родственник, и что в деревне одно время проживали два Ивана Семеновича Перминова, только у одного родителем был Семен Никитьевич, а у другого – Семен Романович. И, тем не менее – они жили в нашей деревне! Более того, мне показалось знаковым событием то, что среди уполномоченных по заключению договора на строительство Ситемской церкви были два представителя нашей деревни. Делегировать это право прихожане могли только весьма уважаемым людям прихода. Значит, деревенская община починка Бушмакина в округе оказывала серьезное влияние на общественное мнение. И второй вывод, который я сделал читая договор: большинство крестьян Александровской волости были верующими, активными верующими, озаботившимися в

конце девятнадцатого века тем, что для с. Богословское просто необходим новый каменный храм.

Деревня Токари – от токарных дел мастеров?

Первое десятилетие двадцатого века ничем не отразилось на затерянном в лесу селеньи под названием починок Бушмакин. Хотя, может именно в это десятилетие он обрел другое название – «Токари». И немалую лепту, как мне кажется, в переименование починка внесли мои предки. Фамилия «Перминов» для этого селения была по уверению троюродного брата Алексея Ивановича, в то время коренной. И родственные её связи распространялись на большую половину починка. А среди Перминовых было много мастеровых по деревянному делу и слава о них гремела по левобережью. А, как отмечал мой отец, в то время все работы по дереву относились к токарным. По крайней мере в вышеприведенном документе ещё значится «починок Бушмакина», а в метриках отца уже стоит «Токари».

В это время деревня испытывала жуткую нужду в пахотных землях, да и в лугах тоже. Каждый клочок земли был на учете. Дороги устраивали в обход полей. Во многих местах они прижимались к лесу. Проходя около горы, дорога максимально прижималась к склону, врезаясь в него. Именно так была устроена дорога с малых лугов в ложок. Во многих местах прорубались лесные дороги, чтоб не использовать площади полей. Надо сказать, к дорогам отношение было особенное, любовное. Например, дорога, что шла от Большой Сутяги к вышке, ограждалась с обеих сторон березками. Наверное такая же дорога соединяла и другую её часть, идущую к Ситемке. Но, уже при новой власти путь к селу шел прямо по лапшовским полям....

Несмотря на рачительное использование распаханного пространства, земли не хватало. Отхожий промысел не всегда мог дать тот уровень безбедного существования, чтоб люди чувствовали себя спокойно и уверенно. Нарастало напряжение. Дед Александр Иванович, судя по всему, пошёл не в отца. По крайней мере, из него не вышел мастеровой. Понятно, что возвращался с заработков он налегке. А дома семья мал мала меньше.

Несчастливая звезда отца

Отец мой родился под несчастливой звездой в 1914 году. Именно в этом году началась война с немцами. Потом – революционный переворот. Отец родился вторым ребенком в семье. Старшей сестре Таисии в то время едва исполнилось 4 года. А через 3 года после его рождения на свет появилась вторая сестра Зоя, и еще через два года – Клава.

В 1921 году дед отправился ловить удачу в сторону Архангельска, поскольку на Урале царствовала разруха. Работы не было.

Через некоторое время в семью пришло известие: Александр Иванович неожиданно скончался от простуды. Будто бы бабушке с оказией передали записку. Но, что интересно, отец не верил этому известию и всю жизнь ждал: а вдруг батька объявится.

Хотя, судя по другим рассказам, и, в частности, по воспоминаниям т. Таисии, узнав о смерти мужа бабушка все – таки выезжала на похороны. В это я верю с большим трудом, поскольку от Архангельска до вятских урочищ путь немалый. Телефонной связи не было. Транспорт – в отвратительном состоянии. Может быть это версия самой бабушки, чтоб успокоить членов своей семьи и отнять у них всякую надежду на встречу в отцом. По

глухим отголоскам, прорывавшимся во время беседы Таусии и отца, можно сделать определенные выводы о том, что не всё гладко было в семье Александра Ивановича. По каким - то причинам Иван Семенович больше обитался в семье старшего сына Николая Ивановича, недолюбливал жену среднего сына Марию Петровну, а через неё и её детей. Тут можно отметить одно: оба эти человека были властными, и в какой – то момент нашла коса на камень.

И в жизни моего отца одна черная полоса сменяет другую. Мальчик по натуре впечатлительный, мечтатель, фантазер, он не вписывался в тот распорядок жизни, что существовал как в семье, так и в деревне. Он не был замкнут, но и общительным его назвать было нельзя. Он рано натаскивался на тяжелую, совсем не детскую работу. Уже с семи лет жал рожь и ячмень серпом, о чем осталась отметина на пальце (чуть его не отрезал).

Отец, единственный мужик в семье, очень рано почувствовал ответственность за дела семейные. Он вспоминал, как однажды, когда у него сломалось топорщице, он пошел к деду, благо тот, как мы знаем, мастерил эти штуки. Отцу в то время было не более 10 лет и, понятно, сам он не сумел бы вытесать топорщице. Дед встретил его неприветливо. Долго рылся на печке (там лежали заготовки) и, наконец, выбрал самое сучковатое. Напоследок, уже отдавая топорщице, буркнул: «сам должен делать».

Детство отца было наполнено работой, работой и ещё раз работой. В редкие минуты отдыха с такими же пацанами играл в игры, которые сами же дети и придумывали. Однажды, играя, зацепился за облук и упал с телеги, сломав руку. Затем заболела нога и он стал прихрамывать при ходьбе.

Во время призывной комиссии в РККА обнаружили, что нога на 3 сантиметра меньше второй. По этой причине не взяли в армию. Но это не спасло его от призыва в 1941 году. Демобилизован был лишь осенью 1946 года. Но это было после...

В школу, которая располагалась в деревне в доме Алексея Ивановича Вахонина, отец ходил два сезона с осени до наступления зимних холодов. А дальше – сидел дома - не было одежды.

Страшная бедность наложила отпечаток на характер отца, не озлобив его, но и не убив в нем жажды познания мира любыми путями. А на возникающие вопросы, на которые не отыскивал ответа, придумывал свои объяснения. И рассказывал нам, детям, о непонятном доступным языком.

Поздняя женитьба и – война

Природная скромность и дикая бедность, когда нечего было надеть, не могли привлечь к нему ровесниц. Но, видимо, кто-то присоветовал взять в жёны старшую дочь Ивана Николаевича Заровняева, семья которого жила в Ишлыке, что около села Петропавловска. Ему 27 лет (уже), ей только – только 18 исполнилось. Шёл 1941 год. Поженились. Оба таких разных человека. Он спокойный, как тогда говорили «смирный», она – бой-баба. Не узнали друг друга толком, не слюбились, и - война. 16 июля «расписались» в ЗАГСе (не понятно, почему не сделали этого раньше, ведь семья существовала с марта). А 19 июля попрощавшись с домашними, надев благословлённый матерью нательный крест, призывник Перминов Дмитрий Александрович с двумя односельчанами сидел в телеге. Им предстоял путь до призывного пункта в г. Киров. Затем ускоренная учеба. Отец - связист. Воинская часть. Войну прошел от Москвы (в самом сражении не

участвовал), к Сталинграду, к Кенигсбергу, к Берлину. Правда до Берлина не дошёл – гаубичная батарея получила приказ двигаться на Прагу.

Отрывочные сведения о военном времени не изобилуют подробностями, но некоторые рассказы отца до сих пор не забылись. А рассказывал он о случившемся мне, одиннадцатилетнему подростку.

Его часть попала в окружение. Больше недели жили в лесу, их часто и упорно бомбили. В лесу, как он говорил, не осталось ни одного целого, неповреждённого дерева. Еда закончилась. Попробовали варить конское мясо – лошадей поубивало много. Видимо, гаубицы были на конной тяге. Но не оказалось соли – и мясо не лезло в горло.

Отец помнил бомбежку под Сталинградом. Ад на земле. «Сидим с товарищем в землянке. Слышим вибрирующий воющий звук. Бомба. Это наша. Прощаемся. Но взрыв чуть в стороне. Ну слава Богу, живы!»

Малая родина задолго до моего рождения

Мое детство и юность тесно связаны с местностью, на которой в советское время располагался колхоз «Дружба». Здесь до революции находилось 49 поселений Александровской и Большеситминской волостей Нолинского уезда.

В Александровскую волость входили деревни: Падценово, Ключонки, Васино, Дуброва, Комино, Балчуг, Лаврушата, Вавилята, Уржумы, Плаксино, Обухово, Осинник, Сухая Ситемка, Шубенкино, Мезенцево, Заборье, Верхняя Кукушка, Средняя Кукушка, Тракторная Кукушка, село Ситемка и село Ишеть.

В составе Большеситминской волости находились деревни: Токари, Мансурово, Серки, Петухи, Лаврухино, Залужье, Светлозеро, Горляниччи (Светлое),

Толстожонки, Ешпанчонки, Одношивкино, Лапши, Патраки, Никуленки, Буберната, Коноплята, Обухово, Сенниково, Ешпаки, Большая Дуброва (Зеленая), Носки, Проничи, Гусята, Сауничы, Корпушата, Самосуды, Шастино, Овсяники.

Крестьяне деревень Падценово, Ключонки, Васино, Дуброва, Комино, Балчуг, села Ишеть облагались ясаком (податью), который поступал царю. Поэтому их называли ясашными. Селяне остальных деревень принадлежали Казанской эконмии. Они назывались удельными крестьянами и платили подати больше, чем ясашные.

Ситемка – до и после революции

Как уже упоминалось, село Ситемка (с. Богословское) являлось центром Александровской волости, где находилось волостное правление. Само село расположено на Нолинском (из других источников тракт назывался Нолинско – Яранский, Полянский, Московский), имело ямскую станцию и две торговые лавки, принадлежавшие купцам братьям Федору и Ивану Аревковым.

Приобретенный земством в 1885 году дом, предназначенный под школу, видимо, так и не был доведен до ума, а может по иной причине, но перед самой революцией дети, в основном мальчики, продолжали учиться в совсем обветшавшем доме. Девочек училось крайне мало, так как им приходилось с малолетства работать няньками в чужих семьях, прясть или даже ткать по заказам на дому.

Рядом со школой в 1903 году закончилось строительство кирпичной церкви (освящена в 1909 году). Как мы уже знаем, согласно договору, кирпич изготовлялся в самой Ситемке. Деньги на строительство собирались добровольными пожертвованиями не только в Александровской волости, но и по всей Вятской губернии.

Считалось святым делом носить кирпич на строительство церкви, что и делали крестьяне.

Перед революцией, в 1916 году пленные австрийцы (отец утверждал, что это были немцы) начали строить в Ситемке госпиталь. Однако внутреннюю отделку не завершили – грянула революция.

Интересный факт, с которым хотелось бы познакомить уважаемого читателя. Кроме двух церквей, действовавших в Александровской волости, выше деревни Дуброва стояла часовня Казанской божьей матери. По местному преданию «святую» часовню купили жители д. Дуброва у крестьян д. Кукушка за два мешка репы.

После революции, уже в 1917 году часовню перевезли в Ситемку и разместили в ней почтовое отделение, которое просуществовало до 1980 года.

Александровская волость и Александровский сельсовет

Как и в прежние времена, в первые годы после революционной сумятицы и гражданской войны, крестьяне занимались земледелием. Сеяли те же культуры, теми же орудиями (соха, косуля, борона).

После революционного переворота вся земля была распределена по хозяйствам. Новой культуры земледелия ещё не было выработано, поэтому урожаи оставались низкими. Хлеба не хватало и с осени мужики отправлялись на заработки на Урал. В Александровской волости, как и по всей России, была установлена Советская власть, в организации которой принимали активнейшее участие Федор Семенович Аревков, Владимир Арсентьевич Колобов, Иван Матвеевич Туев и другие жители.

В начале двадцатых годов по окончании гражданской войны была создана партийная ячейка численностью 10 человек. Её организатором и первым секретарем стал

Петр Григорьевич Колеватов из деревни Заборье. Несколько позже организуется и комсомольская ячейка, первым секретарем по праву организатора был избран Григорий Иванович Плаксин. В ячейку вступили и девушки: Палкина Муза Ефимовна (из Ситемки) и Тамбасова Анна Дмитриевна (из Дубровы).

Вместо частных торговых лавочек в селе Ситемка открывается магазин потребительской кооперации. Организуется фельдшерско – акушерский пункт.

В двадцатых годах прошлого столетия на территории трех сельсоветов (Александровского, Обуховского и Лаврухинского) было 51 селение (результат перекройки существующих границ), в них было зарегистрировано 689 домохозяйств с 3756 жителями. В тот период Александровская волость включала 12 сельсоветов. Так вот три из них, поименованные выше, через некоторое время были объединены под одним названием – Александровский.

Цифры и факты

Интересные факты дает нам перепись населения от 1926 года. Мужики в общей численности составляли чуть больше 40% , в семьях было от 5 до 6 человек, т.е. количество многодетных существенно сократилось. Причем, в лесистой местности Лаврухинского сельсовета, расположенного по левому берегу Вятки, в деревнях проживало в среднем по 120 человек, в то время, как в Александровском – по 74 чел., в Обуховском в среднем по 57 чел.

В те годы в д. Токари насчитывалось 20 домохозяйств со 124 жителями, из них 55 – мужского пола. Для сравнения: в с. Богословском (в 1926 году село Ситемка в официальных документах всё еще значится под этим названием) насчитывалось 33 домохозяйства с 136 жителями, из них 48 мужского пола.

Становление новой эпохи

В 1930 году в с. Ишети одной из первых в районе открывается первая ШКМ – школа крестьянской молодежи с семилетним обучением. В зону обслуживания школы входили пять сельсоветов: Александровский, Обуховский, Петропавловский, Суводской и Кусакинский.

На следующий год школа переводится в Ситемку, размещается в здании недостроенного госпиталя. Силами крестьян в школе производятся работы внутренней отделки.

Постепенно, пусть медленно, но начинает меняться культура земледелия. Крестьяне вводят в севооборот клевер. Более зажиточные из них приобретают сельско – хозяйственные машины. Соха уступает место однолемешному плугу. В конце двадцатых годов на полях появились семирядные сеялки (до этого сев производился в ручную из лукошка). Кто – то из крестьян смог приобрести ручные молотилки, веялки.

Но изрезанные межами поля не давали достаточно хлеба и, как и в былые времена, мужики знакомым путем отправлялись в сторону Урала.

В 1929 – 30 годах организуются ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли). Основной целью этих объединений являлось приобретение на совместные деньги сельскохозяйственных машин: молотилок с конскими приводами, косилок.

Уже через год в каждой деревне создается своя сельскохозяйственная артель. Хозяйства, входящие в неё, объединяли лошадей, инвентарь, телеги, сани, сбрую. Причем, некоторые артели состояли только из 6-7 дворов (как например, Овсяники, Ешпанченки, Самосуды), другие

же включали по несколько десятков дворов (Заборье, Лаврухино, Залужье).

С 1937 года по решению правительства происходит сселение мелких населенных пунктов. Через год количество их сократилось до 23. Исчезли с лица земли многие поселения, начали выветриваться из памяти людской названия. Они сохранялись только в частушках:

У меня миленков много
Ты за мною не ходи.
В Ешпаках, Лапшах – по паре,
Да в Сауничах один.

Понятно, что при укрупнении поселений жители ликвидируемых деревень срывались с насиженных мест и уезжали в иные края, поскольку свободных дворов в укрупняемых деревнях не было. Деревня теряла жителей. Были слияния и другого рода. Вот например, Петухи и Серки. Два селения, которые разделял ручей. Естественно, на их базе организовался колхоз «Петуховский». Комино и Дуброва организовали колхоз «Маяк». А Падценово, Ключонки и Васино образовали колхоз «Трудовик».

Укрупнение деревень имело и положительную сторону: расширились возможности по приобретению более сложной сельскохозяйственной техники: жаток, молотилок, «триумфов» и т.д.

В 1935 году создается Зашижемская МТС для обслуживания колхозов Александровского и Обуховского сельсовета. Начинается набор молодежи в училище механизации. Появляются свои кадры механизаторов - трактористов.

Мне запомнился живший в соседней деревне тракторист Мансуров Иван Сергеевич. Всегда доброжелательный, охотно объясняющий устройство железного коня обступившим его ребятам. Он много времени уделял своей машине, чистил, подкручивал ослабшие гайки, уплотнял

сальники, проверял на слух работу мотора. Знал трактор в совершенстве. Был безотказен. Работал, пока мог с раннего утра до позднего вечера. Его хватило не надолго: однажды, проходя по кладбищу, я наткнулся на его могилку. Значилось, что умер он в 54- летнем возрасте.

На полях появляются знаменитые ХТЗ (колесники) с трехлемешным плугом. Плугом управлял плугарь (я их еще застал в начале 50 – х). Позднее на село прибывают прицепные комбайны «Коммунар» и «Северный», полусложные и сложные молотилки. Но по-прежнему, основной тягловой силой остается лошадь.

Как только на полях появились трактора и комбайны, тотчас возникла потребность в объединении колхозов, поскольку часть полей одного колхоза зачастую вклинивалась в пределы другого колхоза. Вот почему в 1938 году было произведено новое укрупнение колхозов, их остается только 23.

Нужно отметить, что наряду с полеводством (основное направление) в отдельных колхозах пытаются развивать животноводство: строятся конные дворы, фермы для крупного рогатого скота. Так, колхоз «Маяк» (мы помним, что в его состав входили деревни Комино, Дуброва и Балчуг), организует коневодческую ферму с пунктом искусственного осеменения лошадей. Это происходило во времена председательства Туева Яким Дмитриевича. Небольшие фермы крупного рогатого скота создаются в Ишети, в Балчуге.

Трудодень, налоги и дисциплина

Сейчас уже трудно представить, а новое поколение вообще не знает, что в те годы в колхозах труд крестьян оценивался трудоднями. Помню, что одна ездка за водой с нижнего ключа для работающих в поле тракторов (они были на водяном охлаждении) в деревне Токари

оценивалось в 15 соток. Поэтому, чтоб заработать один трудодень, нужно было съездить на ключ семь раз. Одна лошадь не управлялась. И когда в поле трудился трактор, выделяли две лошади и двух колхозников, обычно женщин.

По заработанным трудодням распределяли деньги, зерно, сено, солому. Стоимость трудодня целиком зависела от урожайности и полученного денежного дохода колхоза. Например, в неурожайный 1935 год колхозникам было выдано на заработанный трудодень по 200 граммов зерна, в урожайном 1936 году на трудодень уже выдавалось по 10 – 15 кг зерна.

Что же из себя представляло домохозяйство тех непростых лет?

В личном пользовании колхозника находилось до 50 соток земли (приусадебный участок), он имел право иметь одну корову, до 2-х голов молодняка рогатого скота, одну свиноматку с приплодом, до 10 овец и коз (вместе), неограниченное количество птицы и кроликов, до 10 ульев с пчелами.

Каждое домохозяйство облагалось сельскохозяйственным налогом исходя из величины приусадебного участка и обязано было сдавать государству молока – 250 литров, мяса – 50 кг, 75 яиц, 4 центнера картошки, с каждой овцы по 400 граммов шерсти. Вместо молока колхозник мог сдать 10 килограммов масла.

Мне рассказывали, что « ... трудовая дисциплина в колхозах была строгой. Рабочий день летом начинался с рассвета. На работу людей созывал звон от удара железным прутком в отвал от плуга. Колхозники чаще всего собирались на конном дворе, где и получали разнарядку на работу. Опоздавших на сбор на работу не назначали – это было своеобразным наказанием. Поэтому люди старались не задерживаться, поскольку дорожили каждым заработанным трудоднем. Рабочая смена заканчивалась с закатом солнца.

Неразумные решения большевиков

После революции резко ломается весь уклад жизни селян, привнося что – то новое, прогрессивное, неожиданное. Идет ломка психологии, причем подчас самыми варварскими методами. Я имею ввиду в первую очередь, отношение новой власти к религиозности населения. То, что утверждалось веками, большевики решили изничтожить разом. Неразумные решения власть предержащих не однажды в последующем приводили к катаклизмам в обществе.

Уже в 1918 году распоряжением ВЦИК и СНК все ценности церковей были взяты на учет. И это при том, что официально церковь была отделена от государства. А потом началось изъятие их и закрытие церковей. Находились причины и под прикрытием «народного волеизъявления» происходило разграбление и уничтожение храмов, построенных когда – то с любовью и старанием на деньги и трудами прихожан.

Но вот передо мною решение исполкома Советского райсовета депутатов трудящихся от 27 марта 1940 года «О закрытии Ситемской церкви»

«Учитывая, что религиозная община верующих (двадцатка) Ситемской церкви Александровского сельсовета отказалась произвести ремонт здания церкви, установленный комиссией по акту от 24 мая 1939 года на сумму 20 тысяч рублей, причем из общины верующих (двадцатка) от 20 человек осталось только 8 человек и большинство колхозников Александровского сельсовета на общих собраниях вынесли решение о закрытии Ситемской церкви и переоборудовании здания церкви под среднюю школу, а поэтому исполком райсовета решил:

Возбудить ходатайство перед исполкомом Кировского облсовета о закрытии Ситемской церкви и

разрешения использования здания для оборудования под среднюю школу

Председатель

исполкома райсовета Фролов».

Кировский облсовет депутатов трудящихся своим решением №819 от 25 мая того же года одобрил обращение Фролова. И в июне 1940 года церковь перестала существовать. Строительство храма осуществлялось в течение 10 лет, десятилетиями накапливалась церковная утварь, пожертвования прихожан, десятилетиями церковь несла в народ общечеловеческие ценности «Десяти заповедей» закона Моисея и одним махом все было порушено. В течение 2-х дней был составлен 31 документ на списание, на передачу того или иного имущества. Можно представить, как все это происходило. Скорей всего приближенные к местной власти тащили все, что считали нужным для себя, а потом всё это задним числом оформлялось актами.

Александр Сергеевич Репин, краевед земли Вятской, кому не безразлична боль народа, напоминает, что предки учат нас: «Построй прежде храм в своей душе, потом божий храм». Божий храм разрушен. Храм души поруган. Лики святых пошли на изготовление парт в школе, храме наук. Можно ли на таких осколках создать что-то доброе, человеческое? Не здесь ли начало всех наших теперешних бед: Зависть, Лицемерие, Жестокость, брошенные дети в родильных домах, брошенные родители в домах престарелых, перекопанные и застроенные кладбища. Черное дело сделано, трагедия свершилась».

И он правильно ставит вопрос об ответственности властных структур за содеянное и о требовании выделения государством средств на восстановление разрушенных храмов (там, где это возможно). К сожалению, Ситемской церкви это не грозит: в 2008 году на все село оставалось не больше 10 домохозяйств. Бывшая когда-то

многолюдной, моя малая родина возвращается в первобытное состояние.

Отец перед войной

Отец вступил в колхоз в 1940 году. Его, как самого грамотного (всюду ставили ему трехклассное и даже пятиклассное образование), а может по иной причине, колхоз направляет на курсы счетоводов в г. Советск.

До этого у него случился уральский период жизни, когда он с сестрой Зоей неожиданно уехал в Кушву и поступил на завод. Однако голод, пустые магазины, и в то же время жесткая дисциплина (за 20 минутное опоздание можно было загреметь в тюрьму) утвердили его в необходимости вернуться домой. Итак, отец – счетовод колхоза. До 1941 года. Затем призыв в армию, фронт.

Деревня в годы войны

А как же встретила деревня начало войны? И как она обескровленная, измученная непосильным трудом выжила, выстояла в эти горькие годы?

«22 июня на поляне около деревни Сенниково было гулянье, рассказывает Александра Андреевна Сенникова, жительница этой деревни, - Народ веселился. Вдруг увидели человека, ехавшего на лошади и державшего в руке листочки. Это были повестки на войну. Люди испугавшись, бросились бежать по домам. С этого дня и началось трудное время». У Александры Андреевны семья состояла из неё и бабушки, поэтому на фронт отправлять было некого.

Все считали, что война продлится недолго, так же как мы воевали с Японией и с Финляндией.

Мужчины уходят на фронт. Место трактористов занимают женщины и подростки. Во главе одного тракторного отряда и поставили Александру Андреевну, которой в то время не исполнилось и 20 лет. Она вспоминала, что колесные трактора требовали частой перетяжки подшипников. Заводились трактора рукояткой и часто после перетяжки заводить их приходилось вдвоем, втроем. У девушек и подростков сил не хватало. Большую и лучшую часть лошадей забрали на фронт. Выбывших коней заменяли быками и даже коровами. А приусадебные участки зачастую приходилось женщинам пахать на себе, то есть три – четыре женщины тянули плуг за веревку, а одна шла за плугом. Боронили также на себе.

Не хватало рабочей силы, техники, тягла. Часть девушек и парней были мобилизованы на заводы. Оставшиеся в зимнее время вместе с лошадьми направлялись на лесозаготовки.

Земля запускалась, зарастала березняком.

После уборки урожая зерна в колхозе оставалось очень мало. Большую его часть приходилось сдавать государству для обеспечения нужд фронта, а семенной фонд хранили на базе «Заготзерно». Поскольку лошадей не хватало, колхозы, расположенные вдоль Вятки, зерно возили до с. Жерновогорье (пригород Советска) на шитиках (это большие лодки). Шитики вверх по течению женщины тянули бечевой, как некогда бурлаки.

Позднее в Ситемке был открыт глубинный пункт (в церкви) по приему зерна государству. Но все равно, зимой на лошадях зерно отправляли в Советск. Весной же семенное зерно с базы в мешках на плечах женщины несли в колхоз.

На колхозную работу выходили в 4 часа утра и работали до ночи. В период уборки урожая днем жали рожь серпами, а по ночам с фонарями молотили сжатое, сушили зерно в сушилках, а иногда и на печах колхозников, чтобы

ранним утром увезти «на глубинку». Домой женщины забегали, чтоб только покормить детей и подоить коров.

Система трудодней сохранилась в неизменном виде, только с ужесточением норм. Чтобы заработать один трудодень во время войны нужно было сгрести ручными граблями сено с 40 соток. В конце года по записям колхозной книжки делали расчеты количества трудодней.

На трудодни распределялось зерно из расчета 15% от сданного государству. Естественно, за свою работу колхозники зерна получали мало, поэтому старались приусадебный участок засеять ячменем.

Жили селяне впроголодь. Берегли каждую горстку муки, добавляя при готовке разные примеси: клевер, лебеду, семена щавеля (кисленки), крапиву, хвощи. При выпечке такой смеси получались лепешки, которые рассыпались в руках, так как клейковины в них было мало. Мяса не было, все отправлялось на фронт. Жители сел и деревень перешли на мякину, черемуху, картошку. Помощи от колхоза в течение всей войны простым селянам не было. Примечателен случай. Как рассказывала Александра Андреевна Сенникова, за военные годы в её колхозе сменилось два председателя. Один из них, видя бедственное положение колхозников, разрешил дать им зерна сверх норм. За это его расстреляли.

В селе Ситемка была построена специальная сушилка, где сушили сданный государству картофель и сушеный отправляли на фронт.

К весне часть картошки сгнивала, потому что у сельпо не было даже простейшего овощехранилища. Сгнившую картошку выбрасывали за село и можно было видеть, как ученики после уроков копаются в кучах гнилой картошки, отыскивая ту, в которой было хоть немного крахмала.

В колхозах резко сократилось поголовье скота. Фермы оставались, но не хватало кормов. Полноценный

корм шёл основному тяглу – лошадям, а коровы питались соломой, да и её не хватало. Снимали старую солому с крытиков, ферм, молотильных сараев и этим кормили коров. Весной животных приходилось поднимать и подвешивать на веревках. Скот был ослаблен. Скотина дохла. Кого успевали дорезать – распределяли по трудодням: какая – никакая пища. Коровы надаивали в течение года по 500 – 600 литров.

Я смотрю записи Похозяйственной книги военных лет. «Хозяйство № 307. Перминов Дмитрий Александрович, член Токаревского колхоза. Причина отсутствия по адресу: призыв в РККА /это 1943 год/». В наличии 5 членов семьи - все женщины, из них одна полторагодовалая дочь отца Валя. В том году ими на приусадебном участке было посеяно 0,9 сотки ячменя, столько же картофеля и 0,3 сотки овощей. В хозяйстве имеется 1 корова, 1 свиноматка с поросенком, да три овцы с ягнятами. И с таким «богатством» можно было как-то прожить? Представить сие очень трудно.

Хотя стояли трудные, голодные дни и годы, люди все равно облагались налогами: солдатским, сельскохозяйственным, холостяцким и другими.

Несмотря на жестокую жизнь, были и праздничные мгновенья. Разрешалось праздновать годовщину Великого Октября и 1 мая.

Дети, забыв про игры, трудились наравне со взрослыми. Чтоб помочь колхозу, сеяли на пришкольном участке ячмень, горох.

Во время войны выросла детская смертность. Дети из-за холода и голода умирали даже по дороге в школу. Многие бросали учебу, поскольку у них не было одежды, да и силы были на пределе.

В деревнях появилось большое количество нищих. Они приходили постоянно. Было много эвакуированных,

особенно из Ленинграда, Мурманска. А 1942 год запомнился большим наплывом инвалидов, пришедших с фронта.

О военных действиях жители деревень узнавали по репродуктору. Репродукторных установок было только две: одна в здании сельсовета в Ситемке, вторая – в Обухово. Колхозники, посланцы деревень, собирались в определенные часы в сельсовете. Там, в полутемной комнате висела карта СССР. Узнав новости, они переставляли на карте флажки: черный флажок, значит город осажден, красный – освобожден.

Великая победа со слезами на глазах

Весна победного 1945 года. И снова воспоминания Александры Андреевны Сенниковой. «Весна. Трактора пахут, сеют. Я – на одном из них. Вдруг вижу – человек бежит. Это была учительница.

Трактористки испугались - вдруг в деревне пожар случился. Выскочили из тракторов. Но учительница принесла чудесное известие - о победе, а значит, о конце войны, о конце мучений и страданий».

Более трехсот мужиков, ушедших на фронт из наших колхозов, не вернулись с полей сражений. Возвратившиеся были израненные.

Деревня Токари не была исключением. Хромым вернулся домой Александр Дмитриевич Мансуров. Был тяжело ранен в первые месяцы боевых действий Александр Сергеевич Сенников (муж т. Зои – сестры отца), оставил на войне левую руку Степан Александрович Мельницын (двоюродный брат отца), контуженным с потерей слуха прибыл в свою семью Иван Николаевич Перминов (второй двоюродный брат отца). Тяжелое ранение Филиппа Юдинцева укоротило ему жизнь до нескольких месяцев (умер в 1946 году). С двумя ранениями пришел с войны отец (в голову и в ногу).

Погибли оба сына Михаила Петровича Перминова (еще одного двоюродного брата отца).

Отец – председатель колхоза

Но... надо восстанавливать колхозы. Вернувшись домой, отец взвалил на себя нелегкую ношу председательства. Тяжко ему пришлось. На всю деревню 7 мужиков, да и те наполовину калеки. И вновь невероятный груз ложится на плечи женщин, Памятен для отца был 1948 год. Дождливое лето. Зерновые дозревали с трудом. А сколько требовалось сил собрать то, что выросло. Зерно нужно было высушивать и своевременно сдавать государству. Срочно была построена сушилка в ельнике на склоне Артюхина лога. Кроме того, колхозникам давался урок высушить столько – то мешков зерна на печах. Работали колхозники практически круглосуточно. Токаревский колхоз вовремя рассчитался с государством. Но было и другое. Нерасторопность отдельных хозяйств стоила жизни трем председателям колхозов этой местности: на Ситемскую землю прикатил «воронок», упрятал их в свое нутро и никто уже не узнает, где похоронены эти бедолаги.

На общем собрании колхозников в 1949 году отец отказался от председательства: в семье родился третий ребенок и он решил не рисковать. И это человек, прошедший Сталинградскую мясорубку, «гнилое море» Сиваша и неприступные капониры Кёнигсберга, которые пришлось взламывать его 6-й Тяжелой Гаубичной Артиллерийской Севастопольской бригады разрушения.

Новые эксперименты

А как в других колхозах? Трактора вновь осваивают фронтовики, а также подросшая и подучившаяся в годы

войны молодежь. Посевная площадь в колхозах расширяется. Через 4 года колхозники увидели первые гусеничные трактора марки «НАТИ». В народе их ласково называли «натиками». Несколько уменьшилось налоговое бремя.

Согласно очередному постановлению правительства в каждом колхозе создаются четыре вида фирм. Обращается внимание на развитие животноводства. Строятся животноводческие фермы для крупного рогатого скота, овце- и птицефермы. Правда, отдельные сооружения нельзя было в полной мере назвать фермой. Так, в Плаксине ферма для крупного рогатого скота на своем учете имела только одну корову. Хотя в Кукушке, например, фермы были покрупней – для 20 коров и для более чем 20 овцематок. В «Маяке» организуется свиноферма. Особое внимание уделяется увеличению поголовья лошадей – они оставались основной тягловой силой.

В 1950 году происходит новое слияние колхозов. На территории Александровского сельсовета организуются три колхоза. Первый колхоз - «Маяк» (включает в себя семь деревень),

Его председателем избирается Туев Иван Яковлевич.

Второй колхоз получает название «Стахановец», включивший в свой состав Верхнюю, Среднюю и Трактовую Кукушки и Заборье. Здесь председателем стал Шабалин Василий Мокеевич.

Семь деревень с центром в Ситемке образуют колхоз «Красный пахарь». Во главе его становится Ярдяков Михаил Алексеевич.

Через год все три колхоза объединяются в один с названием «Свобода» Председателем утверждается Пестриков Федор Егорович.

На территории Обуховского сельсовета организуются два колхоза: «Земледелец» и «Знамя Октября».

В колхоз «Земледелец» вошли деревни: Светлозерье, Залужье, Лаврухино, Петухи, Серки, Мансурово, Токари, Лапши и Патраки. Председателем колхоза избрали Обухова Якова Игнатьевича.

Остальные деревни объединились в колхоз «Знамя Октября».

Встал вопрос экономического укрепления укрупненных колхозов. Поскольку до нельзя пересеченный оврагами, логами, речками ландшафт доходов от полеводства не приносил, колхозы «Свобода» и «Земледелец» берут путь на развитие животноводства. К ранее имевшимся свинофермам (в Вавилятах, в Шубенкино, в Дуброве) около мельницы Соломиха строится свинарник на 50 свиноматок. Увеличивается поголовье овец – в Балчуге строится кошара. Вновь отстраивается птичник в Ситемке. Чуть позднее, в 1954 году, в Лаврушатах строится ферма для молодняка крупного рогатого скота. В Серках строится птичник, а в Зеленой Дуброве – свинарник.

В те годы в полеводстве все три колхоза имели девятипольные севообороты. В колхозе «Свобода» с 1951 года в севооборот вошла греча. Увеличивается парк гусеничных тракторов. В том же году в данном колхозе появляется первая автомашина. Позднее по одному грузовику приобрели «Земледелец» и «Знамя Октября» До сих пор помню бортовой номер первой автомашины, приобретенной «Земледельцем» - ИС 22 61. Вторая машина имела номер ИТ 47 29.

Самое раннее детство

В медицинской литературе я не однажды встречал пассаж о том, что человек помнит себя не ранее, чем с трехлетнего возраста.

Рассказы знакомых, родных, родственников также подтверждают сие наблюдение. В то же время могу

похвастаться тем, что в памяти моей запечатлелись картины и более ранней поры. До сих пор перед глазами стоит мать, склонившаяся в полутьме над зыбкой, в которой качаюсь я. И чёрная соска. Я, видимо, плакал. Лицо матери действует на меня успокаивающе и я вновь засыпаю. Или... я сижу на некрашеном полу посреди избы. С игрушкой. За столом – 2 мужика пишут и переговаривают-ся. Я, естественно, не понимаю, о чем они толкуют. Но разговор их спокойный и умиротворяющий. Много позднее я узнал, что это были счетоводы колхоза. В окнах, выходящих на улицу, вижу, как по полю, а оно прямо перед домом, тарахтит «колесник» с плугом на прицепе. Значит, это весна 1949 года.

Дело в том, что в следующем году наша семья переехала в дом Перминова Никиты Ивановича, что стоял в центре деревни и в котором прошло мое детство и юность.

Помню, как запеленатый во фланелевое одеяло, я лежу на земле и смотрю в закрытое седыми облаками небо. Сквозь облака плывет кружок солнца, то скрываясь в клубах темной ваты, то четко вырисовываясь на светлом фоне истончившихся облаков. Затем редкие капли дождя, падающие на лицо и сестра Валя, которая уносит меня в избу.

Мне не было и 2 лет, когда в погожий, но ещё не очень теплый весенний денёк, мне разрешили погулять около «задника» - двери, ведущей из дома в огород. Я с интересом наблюдал, как на завалинке собираются колонии яркокрасных с черными поперечными полосками на спине букашек. Их неторопливые движения меня умиляли. Я, наверное, как-то выражал свой восторг! Познание окружающего мира начиналось тогда – на полуразвалившейся завалинке, на грубо сколоченных ступеньках «задника».

Переезд в другой дом был для меня сродни празднику. Новое жилище было не в пример обширным. Изба состояла из двух комнат: передней залы и прихожей. Причем, в «передней» располагалась отгороженная дощатой «заборкой» спальная с примыкающей к ней маленькой печкой. В спальне стояла железная кровать – ложе отца с матерью. Дети спали летом на полу, а зимой – на полатях, что нависали над прихожей. Значительную часть прихожей занимала русская (вольная) печь. Внизу печь была обшита досками с незатейливым орнаментом, покрытыми лаком. Сзади печи висел рукомойник с носиком, а спереди – 2 подпечка, закрывавшиеся дверцами. Один подпечек служил для хранения разной кухонной утвари, а второй – для наших незамысловатых игрушек. С обеих сторон к печи примыкали двустворчатые легкие двери, ведущие в переднюю залу. Пол в этой зале покрашен светлокорицевой краской и смотрелся весьма красиво. В комнате с пятью окнами стояло два деревянных дивана, один – вдоль печи. В простенках красовались два расшатанных столика. Прежние хозяева, уезжая, оставили большую часть мебели и пусть она была старой, растрескавшейся, расшатанной и требовавшей серьезного ремонта, мы были в восторге!

В прихожей (она же кухня и столовая) находилось 2 массивные лавки. Длинная лавка доходила до порога. В избе был только один стул – венский, перевезенный из прежнего дома. На нем обычно восседал отец, когда вся семья садилась за стол.

Некрашенный пол еженедельно мыли, летом – с косарем. После влажной уборки пол светлел и выглядел празднично. Два кухонных окна смотрели в огород, на разлапистые липы и яблоню, которая одаривала нас фиолетово – красными некрупными яблоками.

Нужно отметить, что вместо одной рябинки, что сиротливо покачивалась на прежнем подворье, к нашему

новому дому прилегал сад с тридцатью четырьмя яблонями. Здесь по периметру огорода росли: орешник, рябины, черемуха тополь, березки. Для меня в те годы огород представлял собой средоточие сказочных мест. Каждый новый день преподносил удивительные тайны и открытия. Весной я с любопытством наблюдал за пробуждением природы, за тем, как сквозь ржавое одеяло прошлогодней травы проклевываются зеленые узелки травинки, одуванчиков. Как сине-зеленая изморозь на ветвях деревьев на завтра малахитовым одеялом окутывала их кроны. Как черемухи надевали на себя белоснежную фату. А рябинки распространяли терпкий ни с чем несравнимый запах горьковатого меда.

Появилась потребность как – то выразить обуревавшие меня чувства сопричастности к волшебству окружающего мира. Сердце kloкотало в предвкушении появления новых тайн, новых загадок. И они не заставляли себя ждать. Я до сих пор не перестаю удивляться многообразию природы, её проявлений.

Первый выезд в свет

До поры, до времени окружающий мир для меня был самодостаточен. Но однажды, когда мне шел седьмой год, отец посадил меня в телегу, на дно которой бросил охапку сена, и мы поехали в Ситемку. Ехали размеренно и отец рассказывал о том, что в этих местах жили люди, сильные, настойчивые. Мужики носили длинные бороды. Они корчевали лес и появлялись новые поля. Каждое поле получало свое название: Прямые полосы, Подкаменные полосы, Алешишны, Новые полосы, Проходные, Мышлякова, Гальет.

Нередко между деревнями возникали споры и ссоры из-за лесных угодий. Местом стычек стала и березовая роща, подступившая к нашей деревне с севера. На неё

претендовали крестьяне д. Лапши. Длительное сутяжничество сохранилось в её названии. Токаревские поселяне тогда рощу отстояли.

А мы с отцом ехали вначале по Прямой дороге, затем через лесную просеку выехали на Юдину дорогу. От неё мимо оврага, называемого в народе Кодоловыми штанами, поднялись к окраине Большой Сутяги, поименованной «Островом», вблизи которого выплескивался родничок – кипун. Далее наш путь лежал по дороге, с обеих сторон которой высились березки, посаженные некогда крестьянами специально для отграничения дороги, к Вышке. Вышка стояла на самом высоком месте и служила когда-то для топографических съемок. От Вышки по заборским и лапшовским лугам проселочная дорога устремлялась в Канаву – пологий овражек, превращавшийся в весеннюю распутицу в непреодолимое препятствие. Выехав из Канавы, мы уперлись в тракт.

Я впервые увидел стройные шеренги могучих березовых стволов, приближающихся к двухвековому возрасту. Почувствовал какую-то особую необычную атмосферу. Здесь у природы была своя душа, незнакомая мне. Она не то, чтобы тревожила меня, хотя и не без этого, но она настораживала, заставляла более пристально взглядываться в новые силуэты, впитывая свежие запахи.

Село меня поразило своей огромностью. Дома, дома. Посреди села возвышалось грандиозное сооружение церкви. Кстати, её купола были видны ещё с лапшовских полей. Я был потрясен видом краснокирпичного храма с устремившимися в небо крестами. Около домов в палисадниках цвела акация. Её я тоже видел впервые. Настой запахов одурманивал, вызывал двойственное ощущение: потребность прикинуть к непонятным пока реальностям и отторжения из-за своей непривычности.

Поездка в Ситемку показала, что мир можно не только созерцать, как это я делал, оказываясь на угоре, но и осязать.

В школу

Последние дни августа 1954 года. В семье много разговоров о школе, об учебе. Мне купили новую одежду, купили и ботинки, первые в моей жизни. Я учил стихотворение:

Почему сегодня Петя просыпался десять раз?

Потому, что он сегодня поступает в первый класс...

В гости пришла т. Зоя. Обычные деревенские разговоры. Я надел ботинки и полез на печь, оттуда – на полати. Уселся на брус, а ноги свесил вниз. «Вов, ты чё это забрался туда?» - спросила т. Зоя. Мать рассмеялась: «Зюш, он же башмаки новые хочет показать. Чё ты такая недогадливая!»

Первосентябрьское утро было сухим и теплым. Я в костюме песочного цвета шагаю рядом с отцом. Для меня путь неблизкий – 4 километра. Мы вышли раньше остальных ребят, т.к. у отца болела нога и он шагал медленно.

В это утро отец был немногословен. Мы молча преодолели крутизну оврага, что разграничивает нашу деревню с соседней. Степенно прошагали по Мансуровской улице. Кстати, эта деревня так же как и наша, была двусторонней, а остальные, встретившиеся на нашем пути, в основном односторонки.

Вышли за околицу. Показывая на последний дом, отец сказал «А здесь живет Генко Перминов. Он уехал из нашей деревни».

Прошли по стерне ржаного поля и спустились к Петуховскому ключу. Здесь прямо из горы бил источник. Направленный по деревянному желобу, установленному на деревянных же стойках, он яростно низвергался на каме-

нистое ложе и далее ручьем устремлялся в недалекую Вятку. Слева по крутому склону карабкались домишки д. Петухи, а справа на косогоре повторяя изгиб ручья, красовались д. Серки.

Пройдя по тропинке мимо деревенской кузни (потом я любил после школы заходить в это дышащее огнем и дымом, заведение, чтоб посмотреть, как кузнец подковывает лошадей, как разбитые до этого копыта животных получали красивое, звонкое обрамление).

Мы подошли к Суходолу. Летом и осенью здесь изредка прошмыгивал ручеек. А весной шумный белесый поток воды делал этот участок непроезжим. Для пешеходов же был устроен 20-метровый мосток с перилами.

Из Суходола дорога, поднимаясь на невысокое взгорье, упиралась в Лаврухино – центр колхоза «Земледелец». Здесь, в доме раскулаченного крестьянина, располагалась контора, место работы моего отца. Расположение деревни мне не понравилось: улица вначале тянулась по склону в гору, а затем, сломавшись, пряталась в ложок. Но, миновав овражек, мы уже топали по ровному полю до самой школы. Справа от нас через неширокое поле темнели заросли елшины с вязкими прибрежными болотами, слева по пологому склону взбегали золотые уже березовые колки.

Вновь построенное одноэтажное деревянное здание школы с тремя комнатами и пристоем для семьи директора школы Леденцова Николая Васильевича, было построено на особицу от д. Залужье, на поляне невдалеке от пристани «Атары»

Поскольку учеников было не густо, не более 30-35 человек, в каждой комнате стояли парты сразу для двух классов: в первой комнате занимались 1 и 3 классы, во второй – 2-4 классы, а в третьей располагался физкультурный зал.

В Залужской школе я проучился 4 года и всегда вспоминаю эти годы с трепетом и благодарностью к судьбе.

Лидия Арсентьевна, жена директора школы, стала моей первой учительницей. Именно ей я признателен за то, что она в полной мере открыла передо мной мир знаний. Ненавязчиво, и в то же время настойчиво и целеустремленно, формировала мое сознание, мое мировоззрение, стремясь к тому, чтоб я не остался равнодушным к окружающей красоте мира. Именно тогда я почувствовал, что она мне дает огромное богатство. Не деньги, не материальные блага, но ...богатство слов. Что слова имеют удивительную силу, возможность выразить себя, свои чувства, переживания, свое отношение к миру. Россыпи слов завораживали меня. Они возникали перед глазами многоцветьем радуги, отдавались в ушах будоражащей музыкой трепетных звуков, шорохов. Я явственно ощущал их материальную сущность. В мозгу уже формировалась формула самовыражения – стихи. Но это случилось чуть позднее.

Моя память – об односельчанах

В середине 50-х двадцатого столетия в моей деревне оставалось только 10 домохозяев, т.е. десять жилых домов. Короткими мазками хотелось бы сказать о каждом из них...

Мансуров Александр Дмитриевич. Жена – Серафима Николаевна. Теща – Анна Ивановна Перминова. Дети: Василий, Алексей, Валентина, Евгения.

Дом на краю деревни (восточная часть). Состоял из двух изб: летней и зимней. Зимняя избенка крохотная с двумя оконцами, лавками и небольшим кухонным столом. Зато летняя изба – это две большие светлые комнаты с современной (по тем временам) мебелью: стулья, столы, диван.

Крытая ограда. Пол в ограде выстлан камнем.

Перед домом росло несколько берез. В палисаднике, что сбоку от летней избы, заросли смородины, которые служили естественным забором и отделяли дом Мансурова А.Д. от избы Сенниковых.

Старший сын – Василий был кадровым военным. Однажды приехал в гости к отцу. Я вначале услышал, а затем увидел, как из-под горы натужно гудя, появляется черная «Волга». Медленно движется на самой малой скорости вдоль деревни и останавливается перед домом Александра Дмитриевича. Мы – дети - народ любознательный. Кто - то объяснил: «Васька - вображуля к Микуле приехал. Через бор по бездорожью гнал машину для того, чтоб все увидели, какой он министр сраной».

Выпендрож Василия продолжался и потом. По деревне он ходил непременно в ночной пижаме. Полосатый костюм выделял его среди крестьянской «одежи». Гость был до невозможности горд. Напыщен своей значимостью. Однажды он надел свой мундир с четырьмя звездочками капитана на погонах, приказал (через отца – бригадира) мужикам собраться у дома Ивана Николаевича Перминова для разговора. Послушные колхозники подтянулись и скучились у завалинки. И вот подходит Василий. Надутый такой. Важный. И начинает толкать политику. В смысле, плохо вы, мужики, живете. Плохо работаете, делаете все не так. Короче – учит жить. Слушают деревенские, молчат, дымят цыгарками. Не перечат. Кто - то поддакивает. Но в основном усмеваются, мол, мели Емеля, твоя неделя.

Отец потом пояснял: «Болтун. Сидит в каком – то штабе. Женится на кривой дочери командира части. Её никто брать замуж не хотел. До сорока лет сидела в девках. Польстился на неё, а тесть ему теплое местечко сварганил. Вот и ездил к отцу один – стыдно показать женушку-то родителям».

Гостил Василий около месяца. Уезжал опять же с помпой. Опять была вызвана машина. Его отец специально брал лошадь до Ситемки, чтоб оттуда по телефону вызвать такси из Советска. Это был последний (а возможно и единственный) приезд Василия в деревню.

Валентина, старшая дочь, вышла замуж за Германа Крысова и уехала в Советск. Уже в зрелом возрасте разошлись. Герман остался жить в той же квартире, только врезал в свою комнату замок и никого не пускал в свой мир. Был у них сын. На лето его привозили на деревенские харчи. Мы с ним неплохо проводили время. Он был моложе меня. Утонул.

Алексей закончил медучилище. После отработки на Дальнем Востоке, работал фельдшером на лесозаводе. По рассказам односельчан безбожно пил.

Евгения (Женя) старше меня года на 2-3. Мечтала стать инженером. Из деревни уехала с родителями и судьба её мне неизвестна.

Сенников Александр Сергеевич. Жена Зоя Александровна (моя тетя). Дети Валентина и Василий. Изба из двух комнат: зало и прихожая. В зало агитплакаты вроде: «Ты рассчитался с государством?»

Надо сказать, что в этом доме прежде жил Петр Семенович Перминов. Однажды он решил выкопать колодец прямо во дворе. В деревне существовала примета, что в местах, где растет речной лопух, в том месте совсем неглубоко залегает вода. Такой след просматривался от Гальета, шел по полю близ Прямой дороги, проходил через усадьбу Мансурова, далее устремлялся на угор, а потом – к нижнему ключу.

Стали копать колодец. Примерно в это же время в деревню забрела неизвестная женщина. Она была готова выполнять любую работу за еду и приют. Согласилась участвовать в строительстве колодца. Когда углубились более чем на десять метров (отец говорил о двенадцати),

спустили эту женщину. Она копала землю, загружала ее ведро. Эту емкость поднимали веревкой наверх. Но случилась беда: оборвалась веревка и ведро, полное земли, опустилось на голову несчастной. Женщину вытащили из колодца, быстренько свезли на кладбище, похоронили. А колодец продолжали углублять. Однако через пару дней неожиданно из стенки колодца вырвалась струя воздуха. «У баб подошлы кверху задрались» - рассказывал отец. Копальщик заголосил не своим голосом, чтоб его поскорее вытащили. Только он поднялся, ветер усилился и дно колодца обрушилось в никуда. Мужики закричали: «Ветряная жила!». Строительство, конечно, прекратили. Иван Семенович вскоре скончался. Его наследники продали дом Сенникову А.С. Яму пытались засыпать, но что бы туда ни бросали, все постепенно исчезало и воронка осталась до сегодняшнего дня.

Но... мы говорим о семействе Сенниковых. Сам Александр Сергеевич родом из д. Сениково, что в 5 километрах от нашей деревни. Когда началась война, он оказался на западной границе. «По тревоге нас подняли и на позиции. Встали к пушкам, бросились за снарядами, открываем ящики, а там ... гвозди». После тяжелого ранения в спину попал в плен. Выжил. Из плена вернулся на родину. «Цыганка нагадала, что имя жены будет состоять из трех букв». Выбор пал на т. Зою.

Плен повлиял на д. Сашу не лучшим образом. Он стал раздражительным. Помню, ночной стук в окно. Плач тети Зои. Мать: «Что с тобой, Зоюш? Опять Гитлер разбушевался?» Т. Зоя укладывалась на лавке в прихожей, а ребята ложились с нами на полу.

Дядь Саша устроился работать почтальоном. Соорудил себе таратайку. Колхозники смотрели на это косо: «Лодырь. Приставляется болящим».

Одворица у них была небольшая. Одна яблоня. Баня. Запомнил: ограда, хлев, амбар, полоус. Клетки, кажется, не было.

Тётка Зоя долгое время работала кладовщиком. В деревне, в нижнем её конце, недалеко от кузницы, стоял амбар. Так вот она, после того, как в эту кладовую свозили сухое зерно, закрывала его на винтовой замок.

Жили мы бедно. Меня мать иногда отпускала в гости «к Ваське». Я приходил к т. Зое, садился у порога на пол. Если семья обедала, т. Зоя обычно давала кусочек хлеба или пирога.

Мельницын Степан Александрович. Жена – Анна Михайловна. Дети: Николай, Василий, Аня, Валя, Люба, Нина, Фаина, Галя.

Дом был небольшой. Изба состояла из одной комнаты. Ограда – крытая.

Степан Александрович на войне потерял левую руку. «Снарядом оторвало руку. Я боли не почувствовал. Схватил руку, бегу и реву».

Одно время был бригадиром в деревне. Заполнял Книжки колхозника. Я с трудом разбираю каракули.

В свободное время изготавливал лыжи. Конечно, в этом деле ему помогали Николай и Василий.

Детей Степан Александрович держал в строгости. Они к нему обращались уважительно: «Тятя».

Доски, из которых выстругивались лыжи, пилили при помощи продольной пилы. Нелегкой это была работа. Я однажды принял в ней участие. Правда, силенок у меня еще не было. А ведь нужно было бревно распилить ровненько. И распилов делалось много.

Ближе к зиме, я думаю, уже по снегу, на дровни укладывались коричневые, проморенные настоем дубовой коры лыжи. Пар 50, а может и больше. И обоз отправлялся

в Советск на рынок. Лыжи раскупались моментально. Промышленность их выпускала явно недостаточно.

Любил Степан выпить. Это не было его страстью. Все - таки семья мал – мала меньше. Гнал самогон, ставил брагу.

Председатель сельсовета, а потом председатель колхоза Обухов Иван Яковлевич появлялся в деревне на тарантасе. Останавливался у Степана. И они «гужевали» в огороде. У Степана около бани на небольшом участке ветвились несколько яблонек с крошечными яблоками - ранетками. Под яблонями стояла скамейка – любимое место выпивох. Возлияния завершались песнопениями.

Василий был шкодой. Однажды забрался в погреб Михаила Петровича и стащил сметану. Когда Степану об этом донесли, он выволок Василия на деревенскую улицу. И начал воспитывать его вожжами. Парень ревет, клянется, что больше не будет воровать. И не уходит от побоев, хотя ничто его не держало, кроме воли отца. Степан же был непреклонен. Василий тогда получил урок на всю жизнь. Надо сказать, Василий вырос нормальным человеком. Красивым юношей. Счастлив в браке. Выучившись на тракториста, уехал в Казахстан.

Аня, Галя облюбовали Кушву, куда позднее, после окончания семилетки уехала и Фаина.

Фаина, кстати, учила меня плавать. Правда, неудачно (для меня).

Люба. Ей было лет 5-6. Идет из леса. В подоле ягоды. Проходит мимо дома д. Саши Сенникова. Он на крыльце. «Люб, тюнькю-то потеряешь». «А тятка новую пришьет» - был ответ.

Валя на год старше меня. Проучившись первый год в школе, она для нас стала главным грамотеем. С другими старшими ребятами, мы, мелюзга, не водились.

Так вот, весной, кажется, в мае, когда Вятка подтопила луга, мы играли на угоре. Валя начала

рассказывать страшные вещи. Что река может затопить и нашу деревню. «Вот если отсюда до первого дома будет меньше 17 метров, то деревня окажется под водой». Стали измерять расстояние. Поручили это дело мне: я, как никак умел считать до ста. А за метр приняли расстояние моих распахнутых рук. Как я волновался, что не уложусь в эти 17 рук! Слава Богу, обошлось.

Первые часы (настенные) в деревне появились у Степана Александровича. Люди, чтоб узнать, который сейчас час, заходили в огород и, приспособив ладонь козырьком к лицу, всматривались в окно избы.

В этом же доме появился и первый радиоприемник. На батареях. Но слушать его нам не дозволялось.

Перминов Михаил Петрович. Жена – Прасковья Дмитриевна (в быту – «Митревна»). У него было пять детей, но в моей памяти сохранились лишь две его дочери: Валентина и Анна.

Помню его уже стариком. Низенький, щупленький с седой бородкой. Единственный, кто выписывал газеты. Крепкий дом. Много хозяйственных построек. В колхозе непосредственно уже не работал, хотя просьбы колхозников выполнял. У него были приспособления для изготовления вожжей. Поэтому приезжали вить вожжи из других деревень. Для нас, детворы, такие дни были праздниками. Мужики расставляли по всей улице приспособления. Что - то подкручивали, мерили, обсуждали. Из пеньковой основы прямо на глазах скручивались вожжины, светлые, прочные, красивые.

Регулярно к Михаилу Петровичу наведывался лесничий Дмитрий Васильевич Мальков, который жил в д. Серки в 2-х километрах от нас. Он привозил несколько гладких полтораметровых чурбаков. Скорей всего сосновых. А через какое-то время увозил уже дранку.

Мы иногда заглядывали в ограду к Михаилу Петровичу, когда он там работал.

Жил он наособицу. Правда, деревенские праздники посещал. Был неразговорчив. Летом любил рыбалку. На берегу реки у него было любимое место. Крутичок. Кустик ивняка в воде. Там, видимо, он делал приманку. По крайней мере без рыбы не возвращался. Не любил, когда кто-то останавливался около и забрасывал удочку. Маленьких прогонял.

Перминов Иван Николаевич. Жена Валентина Федоровна. Дети: Людмила, Алексей.

Иван Николаевич вернулся с войны контуженным. Оглух. Почти не разговаривал. Запомнились дни, когда подходила наша очередь караулить скот. Эти дни имели особенность растягиваться до бесконечности. Во – первых, из-за невозможности нормально разговаривать, во-вторых, нужно было понимать Ивана Николаевича с полувзгляда и выполнять его указания, чтоб ни одна скотинка не покинула стадо, не затерялось в кустарнике.

Много лет спустя мы с Алексеем Ивановичем (как известно, это мой троюродный брат) вспоминали свое детство. Он был старше меня почти на два десятка лет и поведал мне много нового из бытовавших в те времена порядка и обычаев в деревне. Они были отличны от того, что запомнилось мне.

Перминов Дмитрий Александрович, мой отец. Мать – Александра Ивановна (в девичестве – Заровняева) Дети: Валентина, Владимир, Галина, Николай. О жизни семьи я упоминал в рассказах «Родом из детства», «Три дня рядом с детством» и т.д.

Юдинцева Антонина Сергеевна. Муж Филипп после тяжелого ранения был комиссован. Приехал домой. Но жил

недолго. Дети Василий, Николай, Александр, Валентина, Анна. Семья бедствовала. Мужская половина чуть заматерев, подавались кто в Сибирь, кто на Урал, кто в Архангельск.

Перминова Анна Ефимьевна. После смерти своего отца Ефима Семеновича, «приняла приемка» Александра Васильевича из д. Мансурово. Который, как и многие в 30-е годы прошлого столетия, решил попытать счастья на стороне. Говорили: «Поехал на производство». Однажды его, пьяного, кто-то привязал к дереву на всю ночь. Простудился. Вернулся домой больным и вскоре умер.

Сын Леонид освоил трактор, да так и остался в деревне.

Бородина Мария Ивановна. Её муж Василий был убит односельчанкой. Рассказывали: «Из-за ревности». Я помню её мать, которая жила в крошечном флигеле около избы. Изба была также небольшой. Некоторое время Мария Ивановна исполняла обязанности бригадира (мне в то время было лет 6-7). Потом вышла замуж в с. Еремино, получив новую фамилию – Перминова.

Плесцов Иван Александрович. Жена Анна Ивановна. Дети: Николай, Валентина, Василий. Единственная семья в деревне жила единолично. Перебивались случайными заработками. В конце 50-х годов продали дом (он также как и у Мансурова А.Д., состоял из летней и зимней половин) и уехали в Кушву. Доходили слухи, что Иван Александрович потребовал развода. Женился на учительнице. Но рано умер.

Жизнь начала налаживаться

Как известно, в тот год, когда я пошёл в первый класс, для укрепления сельского хозяйства решением партии и Правительства в колхозы было направлено 20 тысяч коммунистов. В колхоз «Земледелец» был направлен и избран председателем Леденцов Николай Васильевич, мягкий, интеллигентный человек. Мне довелось присутствовать на заседаниях правления колхоза, проводимых им. Прислушиваясь к мнению колхозников, к их советам, учитывая их многолетний опыт крестьянского труда, он умел находить рациональное зерно в их высказываниях и четко формулировать стоящие перед колхозом тактические задачи и способы их решения. Он чутко относился к нуждам сельчан, при малейшей возможности шел им навстречу. Умел ценить работу колхозников, сам выходил с предложениями о поощрении людей. И делал это всенародно, что поднимало значимость и авторитет труженика в глазах сельчан.

В 1956 году в деревне Лаврухино начали строить пилораму. Нам, деревенским ребятишкам было интересно видеть, как под руководством приезжего инженера (или прораба?) заливался фундамент, устанавливался многосложный (для нас) механизм с семью полотнищами пил. И слышать приглушенный перестук работающего мотора.

Жизнь налаживалась. В колхозе разворачивалось строительство новых домов для колхозников, помещений для общественного скота, обновлялись молотильные тока, строились склады, гаражи для техники (прежде трактора и комбайны непогоду переносили под открытым небом).

В эти годы были повышены цены на сельскохозяйственную продукцию с одновременным снижением уровня обязательств по сдаче колхозами государству зерна.

Впервые после войны в колхозе «Свобода» на трудодень было выдано по 1 килограмму зерна и по 50 коп. деньгами.

Кстати, «Свободу» возглавил посланник партии, директор Ситемской школы Афонский Александр Григорьевич.

Колхоз «Дружба»

Через четыре года, в 1958 году, когда я уже перешел в Ситемскую школу, произошло очередное слияние колхозов. На базе трех колхозов образуется один, который по предложению одного из представителей объединительного собрания получил название «Дружба». Председателем избирается Афонский А.Г. В новом колхозе было 5127 га пашни, 1004 га сенокосных угодий, 2406 га выгона и 645 га леса. В объединенном колхозе имелся достаточный машинно-тракторный парк. Колхоз готовил свои кадры механизаторов. Все это позволяло перекладывать тяжелый ручной труд на плечи машин и механизмов. К сожалению, донельзя истощенные кислые почвы не давали хороших урожаев. А причин было несколько. Во-первых, мало органики, отсутствие у крестьян достаточных сил для доставки навоза в поля, во-вторых, трудность завоза из-за реки минеральных удобрений, и, если честно, неверие колхозников в серо-белые гранулы, привозимые из Советска в бумажных мешках. Мне запомнился случай, когда доставленные из Ситемки несколько мешков суперфосфата были выгружены в амбар, стоящий около конного двора, и там успешно через пару лет они пришли в негодность.

Мне памятным остался период кукурузизации села, внедрение пропашной системы земледелия. На поле перед деревней близ Прямой дороги была посеяна кукуруза. И больно было смотреть на поле с редкими хилыми стеблями растений в осенние месяцы. Хорошо, что

колхозники использовали такие поля как пар. Жаль было только бессмысленных трудов и затраченных средств и зерна на организацию этой авантюры, завершившейся в 1965 году.

Учеба в Ситемской школе и в медучилище.

А Николай Васильевич Леденцов занял на некоторое время кресло директора Ситемской школы.

Однако, отсутствие высшего образования не позволило ему закрепиться на новом месте. И через 3 года он вынужден был уехать в с. Мокино на должность рядового учителя.

Я помню, как однажды он зашел в наш класс и в разговоре с ребятами, указывая на меня сказал: «Ребята, Володя Перминов – наш будущий историк». Жаль, его прогнозу не суждено было сбыться. Хотя предпосылки были: я серьезно с пятого класса увлекался историей, археологией. Изучал доступную мне литературу на эту тему, а также переписывался с редколлегией «Пионерской правды» (Москва, ул. Суцёвская, 21). Причем, меня одинаково интересовали различные периоды прошлого страны, начиная с Древней Руси. Этому я посвящал альбомы, в которых рисовал изменения границ государства русичей делал короткие записи о волновавших меня событиях старины далекой. Меня интересовало и небо с загадочным мерцанием звезд. Литература, посылаемая из Москвы, так и не смогла удовлетворить моего любопытства. Кстати, много вопросов остается и сегодня, на склоне лет.

В 1962 году после окончания 8 классов я направил заявление в Советское медицинское училище и последующие 4 года были связаны с этим замечательным учебным заведением.

А моя малая родина жила своей жизнью. Колхоз приобрел электростанцию, которая приводилась в действие двигателем трактора ДТ-54. В домах колхозников Ситемки и Шубенкино появился электрический свет. В конце 1963 года с появлением более мощной электростанции лампочка Ильича засветилась и в деревне Дуброва.

Ко времени окончания мною медучилища колхоз был полностью электрифицирован и подключен к государственной энергосистеме. В эти годы успешно решался важнейший для деревни вопрос – вопрос водообеспечения. В деревнях, где были расположены животноводческие фермы, вступают в строй скважины глубокого бурения. Прежде всего глубинная вода приходит в Ситемку, в Кукушку, Заборье, Патраки, Мансурово, Светлозерье и Дуброву.

Переезд в Шубёнкино

Несмотря на положительные сдвиги в сельской жизни, повышение благосостояния колхозников, усиливается отток селян. Пустеют деревни.

Зима 1963 -1964 года выдалась для отца тяжелой. Занесенный до крыши снегом единственный жилой дом, бездорожье. Мне трудно представить, какие чувства испытывали мои родители: отец, каждое утро отправлявшийся в село на работу (колхоз выделил для него мерина по кличке Гром) и мать – инвалид, остающаяся в избе, утонувшей в белом безмолвии. Летом отец принимает решение переехать в Шубенкино.

Не забуду последней ночи, проведенной с отцом у остывающего очага.

Мы ещё раз прошли по огороду, заглянули в баню. В доме осмотрели амбар, поднялись в клеть (она находилась над амбаром). Приставив лестницу – стремянку к лазу, что вел на «вышку», я забрался на чердак, но там также

уже не осталось вещей, которые бы можно было увезти на новое местожительство. В сараях тоже было пусто. День подходил к завершению. Поэтому, сложив остатки имущества в ограде, мы, насобирав дровишек, затопили большую печь. Последняя декада сентября выдалась прохладной.

Отец был молчалив. Я также подавленный неизбежностью расставания с домом, с деревней, сидел перед открытым зевом печи, смотрел на шумный огонь, пожиравший полешки. Мысли бежали вразнобой, выхватывая из памяти кусочки прошлого, чудные мгновения детства и юности, проведенные в этих местах. От этого становилось еще тяжелей, ещё горше. Однако, дрова догорели, законная мгла сгущалась. Положив на скамейки, поставленные перед печью, полатницы, мы с отцом не раздеваясь, прилегли на импровизированное ложе. И, надо сказать, быстро заснули. Не закрытая заслонкой печь обдавала нас теплом.

Я проснулся, услышав разговор отца с Леонидом Перминовым, который на «Белоруси» с тележкой подкатил к дому. Леонид, наш сосед, (он жил через дом от нас), год назад оставил свой пятистенок и подался в соседнюю деревню. Сегодня он приехал помочь нам.

Мы загрузили в тракторную тележку нехитрый скарб, закрыли ворота. Мысленно попрощались с деревушкой. Серое промозглое утро, серые облака, остывающая земля. На душе пасмурно. И уже захотелось поскорее покинуть это место. Я старался не смотреть на обнаженные деревья: на липу, что оставалась за плетнем огорода, на одряхлевший тополь, что разграничивал участки с соседским домом. Дома, казалось, наблюдали за мной с укоризной. Я ещё не знал, что следующая встреча с деревней случится не скоро, а когда я вновь навещу её, в

деревне сохранится только изба Анисьиного дома с порушенными оконными проемами.

Взгляд из детства первый. Выходной день

Вот и кончились уроки! Даже не заходя на квартиру к хозяйке, которую в деревне величают не иначе, как Фадеевна, по накатанной санной дороге на самодельных лыжах (отец смастерил!) я с Валею Сенниковой (двоюродной сестрой) отправился домой. Нужно было от Лаврухино, где я жил на квартире, спуститься до суходола, небольшого овражка с широкой долиной, потом по Петуховскому полю дойти до углового дома Малькова Ивана, потерявшего ногу в войну. Он, неунывающий балагур и деревенский остролов, трудился счетоводом в колхозной конторе. Напротив его дома на косогоре приютилась кузница и стойло для лошадей, чьи ноги здесь обувались в подковы. Но дорога проходила много ниже этой кузни, на дно оврага, по которому гулко перекачивался ручей. Отсюда, из оврага дорога поворачивала влево, в д. Серки. Нам же предстоял другой путь: по пригорку, шагая лесенкой до самого Мансуровского поля. Мансурово было так же как и наша деревня, двусторонним, да и домов в ней было не больше. Только среди деревни обозначился большой разрыв, отделяющий два крайних дома от остальных. Возможно, прогал и был когда-то заселен. Но, как и в нашей деревне, некоторые дома стоят с заколоченными окнами. Пройдя по деревне, у последнего дома, в котором жили братья Мансуровы с матерью (один уже переселился еще до войны в нашу деревню), мы резко свернули влево и, углубившись в лес, покатались на лыжах до самых лугов. А когда поднялись на угор, силы уже оставляли нас. Поэтому последние метры я едва дополз до родительского дома.

День еще не закончился. Было светло: как никак на дворе уже хозяйничал март.

Отец отгробал снег от ворот. Сегодня он с работы вернулся рано. «Вов, сейчас пойдём в баню. Иди, книжки – то брось в избу».

Дорожка в баню была прогребена. И мы с отцом потопали через яблоневый сад в приземистое сооружение бани. Быстренько раздевшись в предбаннике, мы зашли в помывочную. Около окна горел фонарь «Летучая мышь». Рядом на скамейке лежала стопка чистого белья, на второй скамейке у противоположной стены лежал таз. Справа шипел котел с горячей водой. А холодная вода примостилась в деревянной колоде около выхода. За котлом угадывался полоч. Все стены были черными от сажи – баня топилась по-черному. Поэтому мыться нужно было с осторожностью: ненароком задев стены, было трудно смывать жирную черноту даже хозяйственным мылом.

Отец сноровисто намылил мне голову, прошёлся мочалкой по спине, животу, да и по всему остальному, смыл мыло скупыми порциями воды. Сказал, чтоб я лез на полоч отогреться («отпотевать»). А сам приступил к мытью своей лысины. Тело мое чесалось, я его начал тереть и на коже появились катышки. Это была недельная грязь. Но долго на полке я оставаться не смог, мне стало жарко, закружилась голова. Сполз на пол. Но отец уже заканчивал помывку. Он стал окатываться прохладной водой. Я пристроился рядом. И вот мы, чистые, покрасневшиеся, распаренные напялили на себя свежую одежду, т.е. подштанники и нижние рубахи из коленкора. Вышли в предбанник, где натянули все остальное и шустро выскочили за дверь.

Когда мы вошли в избу, поняли – нас уже ждали. Послышались возгласы: «С легким паром!». На столе дымилась пельмени. Вся семья была в сборе. Этот ритуал

повторялся еженедельно, когда из Ситемки возвращалась Валя, которая заканчивала седьмой класс, и из Залужья я, ученик второго класса. Галка с Колькой оставались дома и с нетерпением нас ждали всю неделю.

В доме становилось шумно и весело.

Я уселся в самом углу под божницей. Это место было облюбовано мною давно, практически сразу после переезда в этот дом и оставалось неизменным до тех пор, пока Валя не уехала в Киров. Она садилась на краю стола рядом со мной. У окна вдоль широкой стороны стола усаживались Галка и Колька, последней на эту лавку садилась мать. Потому что у неё под рукой оказывалось всё самое необходимое: кухонный посудный комод с чашками, ложками, поварешками, печь, самовар на отдельной полочке. Обычно в этом самоваре и варились пельмени.

Для отца был выделен венский плетеный стул, единственный стул в этом доме. Когда отец садился за стол, он оказывался в центре внимания. Он мог во время еды вспомнить что-нибудь из жизни прошлой, рассказать случаи из детства, из фронтовых лет, тут же поинтересоваться, не прохудились ли валенки, рукавицы, целы ли лыжи.

И вот мы все за столом, на середине столешницы огромная миска пельменей и чашки со сметаной. Пельмени каждый достаёт из общей посуды, обмакивает в сметану и отправляет в рот. Мать при этом спрашивает, как идут дела в школе, сколько и какие мы с Валей получили отметки. Были ли к нам замечания, как к нам относятся учителя, не слишком ли придираются.

Вечерняя трапеза меж тем закончилась. «А теперь, ребята, будем набивать постели» - скомандовал отец. Наматрасники, оказывается уже освобождены от превратившегося в труху содержимого. В большое зало,

где предполагалось священнодействие, Валя с сарая принесла несколько обмолоченных ржаных снопов. И отец принялся набивать солому в наматрасник из холщевой ткани. Получилась высокая, пружинистая постель, почти как перина. Это для отца с матерью. Наши наматрасники были из обычной мешковины. После того, как они набивались соломой и один конец зашивался суровыми нитками, наши постели укладывались на пол, благо площадь зала позволяла разложить две постели. Причем, мы ложились поперек них. И все равно тот, кто лежал на краю, ночью обычно скатывался на голый пол.

Для матери с отцом у самой печи стояла деревянная самодельная кровать.

В этот вечер легли спать поздно. Ходики уже перевалили за полночь. Я, как и в прошлые разы, когда меняли солому в постелях, под утро оказался под ножками столика, притиснутого в простенок между двумя окнами, выходящими в огород. Проснулся от дурманящего запаха блинов. Мать уже копошилась на кухне. Едва я нарисовался перед её очами, она тотчас запрягла меня в работу. «А ну-ко, Вов, разбей-ко молоко». На столе в миске уже оттаивал кружок замороженного молока. Вначале сечкой, затем толкушкой, я разбил стылый кружок, принимавший прежде форму миски. Довёл месиво до кашицеобразной массы и поставил на стол. На широкой тарелке росла горка оладушек. На запах из залы показались заспанные мордочки остальных ребят. Отец уже заканчивал «удельываться» у скотины и вскоре мы сидели за столом в том же порядке, что и вчера вечером. И уплетали оладьи, которые почему – то в деревне называли блинами, макая их в разбитое молоко. Обжигающие оладушки с льдистым молоком создавали во рту неповторимый вкус. Ощущение маленького праздника отражалось на лицах всех членов семьи. За столом неспешно уточнялись планы на этот воскресный день. Отец заметил: «Шур, я думаю, сёдне

надо почистить трубы от малой печки». Мать поддакнула.

И вот, едва развиднелось, мы, уже в оболочках и валенках, осторожно сняв подвешенные к потолку на проволочных держателях колена и прогоны жестяных труб, вытащили их в огород. Там мы набивали в трубы, засовывая их в сугроб, зернистый, подмороженный ночным морозцем снег, а потом вытряхивали почерневшую массу из другого конца. И эта процедура повторялась до тех пор пока из трубы не выбрасывался снег такой же белизны, что и загружаемый в них, а внутренние стенки трубы начинали блестеть. Как будто их отдраили песком. Дольше чистились колена, хотя они и были короче, но снег застревал в изгибах и требовалось не раз и не два набивать в них снег, резко встряхивать и выбрасывать почерневший снег то из одного рукава, то из другого. В них и сажу собиралось также больше, чем в длинных прогонах трубы.

Но вот все трубы почищены и мы с шумом и гамом, наперегонки тащим их в избу. А отец уже ждёт. Он подвешивает трубы под потолком. Вижу: уже подготовлена печка, с дровами, с берестой. Осталось только чиркнуть спичкой и займется пламя и прибавится уюта и тепла в этом доме. Сегодня вечером мать будет варить скороварку.

Накануне, когда бежал в баню, я заметил на снегу слишком много заячьих следов. И загорелся идеей оградить от острых зубов лесных разбойников свою яблоню, что стояла неподалеку от бани. На ней вызревали желтые медовые яблоки. Их рождалось немного и поэтому, когда шло закрепление яблонь, Валя согласилась с моей просьбой отдать эту яблоню мне. Сама она выбрала яблоньку, что стояла в самом начале сада в месте, где тропинка раздваивалась на дорожку к бане и на едва заметную тропку, уходящую вглубь сада вплоть до

Большой яблони. На её яблони яблоки созревали темнокрасные, сладкие и было их много больше, чем на моей. (Жаль, что вскоре после отъезда Вали в Киров яблоня почему-то захирела и умерла. Может быть, отец, когда пахал огород, случайно задел и перерезал ей корни.)

Поскольку по хозяйству больших работ в этот выходной не предвиделось, родители разрешили построить вокруг моей яблони стену. Из снега. И мы вчетвером с энтузиазмом принялись за дело. Вначале на месте будущей стены мы утоптали снег, потом лопатами стали нарезать снежные кубы и аккуратно укладывать их вокруг яблони. Шутки, подкальваньё, смех – счастливые глаза и покрасневшие лица. Стена, пусть медленно, но росла и часа через три она достигла уже Валиного роста. «Ну теперь ни один заяц не достанет мою яблоню!», - с удовлетворением сказал я.

Подошел отец. Он проходил мимо, что-то ему потребовалось в бане. Хмыкнул, но ничего не сказал. Лицо его было грустно, видимо, он вспомнил свое промчавшееся в неизведанную даль детство, которое, как он не однажды рассказывал, было и холодное и голодное. И, тем не менее о том времени он вспоминал с особой теплотой и нежностью. Время узнавания мира – самое светлое время в жизни любого человека!

Солнце уже садилось в Шуколюковом углу, окрасив кровавым багрянцем столпившиеся у горизонта облака. «Ветрено завтра будет – заметил отец, когда мы с чувством исполненного долга, друг за другом гуськом шагали по тропинке домой.

Нужно было ещё выучить заданные уроки и приготовиться в завтрашнему походу в школу..

Взгляд из детства второй. В Мансуровском овраге

День только начинался. Но уже из - под горы показалась лошадь Ласка с водовозкой. Маня, подгоняя животину, торопко семенила следом, направляясь к конному двору. Ласка фыркала, натружено перебирая ногами, послушно следуя натяжению удил, тянула нелегкую ношу. Вскоре они скрылись за картофельной ямой.

Мы сидели на бревнах, приготовленных дядь Сашей Сенниковым для замены покосившейся ограды. Сначала Люба, Степанова дочь, рассказала, как она недавно с матерью оказалась в деревне на другом берегу Вятки. В деревушке открылся магазин и его уже облюбовали колхозники. Правда, чтоб попасть в него, надо было упросить бакенщика Ивана, который жил в Мансурове, перебросить жаждущего через реку на лодке. В нашей деревне лодок ни у кого отродясь не было. Итак, Любе, как она сказала, посчастливилось, и она увидела незнакомый для нас мир правобережья. «А знаете, ведь там кончается земля, - понизив голос до шепота, произнесла она, - там на самом краю от деревни расходятся две дороги, у которых вкопан столб. А к столбу на цепь прикован бурой медведь, большой, лохматый и злой. И никого не пропускает. А около него солдат с ружьем. Мама дала медведю немного хлеба и он сразу стал добрым таким. И пропустил нас. На конце земли – то всё очень красиво!»

Галка, моя сестра, прервала рассказчицу: «Врешь ты всё. Вот я недавно пошла на ключ и заблудилась. Смотрю - каменная стена. Высокая. Я сделала щепкой подкоп и очутилась в городе. Скоко там людей! Все в новой одежде. Ходят по улицам и песни поют. Меня увидели, хотели

поймать. Только я снова нырнула в ямку под стеной и убежала»...

Галка говорила так страстно и убедительно, что хотелось верить, что так оно и есть. Ведь мы, детвора, дальше лесных чащоб, окруживших деревню, нигде не бывали, но знали из тех же книжек, что есть и другие интересные места, и другие миры, города, люди. Где всё красиво и всё не так как в нашем захолустье, где грохочущий трофейный мотоцикл дяди Сергея из Советского профтехучилища, который навещался к «рабочим», помогавшим колхозникам в страдную пору уборочных работ, был заморской диковинкой и верхом цивилизации.

И когда Галка указала в сторону малого ключа (лучше б она не показывала!), я подумал, а, почему бы не обследовать эти незнакомые места. Вдруг мы что – нибудь да и обнаружим!

И вот ватага сорванцов, в их числе Васька и Валя Сенниковы, Валя Плещова, Колька, мой брат, Галка и я заторопились по пробитой в ржаном поле дорожке к родничку, что журчал в овражке за усадьбой Микулы (так мы называли между собой Мансурова, которого почему-то недолюбливали все сельчане, в том числе и мы).

День выдался жарким. Природа жаждала дождя. Дорожка с неглубокими колеями была изуродована трещинами. Огрубевшие за лето пятки ощущали зной. Спустившись с пригорка, мы подбежали к колоде, в которой собиралась родничковая вода, прозрачная и невероятно вкусная. Небольшая площадка возле колоды позволяла водовозке вместе с лошастью развернуться так, чтобы бочка встала прямо перед наполненной водой ёмкостью. Лошадь, поворачиваясь, мордой обычно натыкалась на отвесную земляную стену. И нужно было обладать определенными навыками, чтоб случайно не опрокинуть водовозку в овраг.

Мужикам, похоже, пришлось немало поработать, чтобы лопатами срезать часть склона и расширить площадку. Но всё равно она выглядела довольно тесной. Противоположная кромка её, резко обрывававшаяся в овраг, была укреплена срубленными тут – же ёлками, сучьями, валежником, с уложенной сверху дерниной.

Дед Михай обмолвился как – то, что этот кипунчик был обнаружен как раз перед войной и сначала почти никак не использовался. Просто, когда деревенские ребята ходили в недалёкий ложок, поделивший поле на прямые и подкаменные полосы, за земляникой, или взрослые, торопясь в Обухово по своим делам (в то время деревня была приписана к Обуховскому сельсовету), то проходили «прямушкой» через этот овражек, набирали воды в бутылки и шли дальше. Потом кого – то надоумило вырубить из саженого елового бревна колоду и вкопать её в землю вниз по течению. Набиралось в колоду до пяти вёдер воды. Мужики потом дотумкали, что можно этот родник использовать для хозяйственных нужд, и если воды требовалось немного, приезжать за нею сюда. А всё потому, что нижний ключ, что шумел под горой рядом с лугами, был далеко, да и гора отличалась особой крутолобостью. Вот почему идея Ивана Николаевича Перминова сделать удобный подъезд к верхнему ключику ни кого из мужиков не оставила равнодушным. И за два вечера площадка была обустроена, расширена тропинка до самого поля. Правда, потом дважды в год колхозники приходили сюда с топорами, с пилами, с лопатами и укрепляли рыхлую стенку, засыпали пробитые дождями промоины на полу площадки жирными комьями белой глины, перемешанной с камешником. Осенью обычно мастерили отводы из брёвен, чтоб при весеннем половодье не размыло и не разрушило отвоеванное у горы пространство. А весной исправляли разрушения, нанесённые – таки бурными потоками снеговой воды.

И вот мы у родника. Слева, за кипунчиком, серой змейкой, уползающей в лесок, тянется ложбинка. По ней можно выйти прямо к Малой Сутяге. А справа темнеет углубление овражка, уже через пару десятков метров превращающегося в настоящий овраг. Мы по обрывистому склону, по оголившимся корням имевших несчастье проклюнуться на самой круче оврага пихт спустились на дно оврага. И сразу ощутили прохладу отполированной водою окаменевшей земли. Но нам было интересно. Все ощущали себя первооткрывателями, такими робинзонами. В царстве деревьев с редким кустарником, с жилистыми корнями, выпирающими из земли, с колдобинами, разбросанными корягами по склонам, где кажется никогда прежде не ступала нога человека, мы ожидали чудес. Удивительно, но страха не было – только любопытство. Поэтому мы, увлекаемые светлой дорожкой от журчащего некогда ручья, торопились вниз, смеялись и придумывали на ходу новые истории.

Как – то неожиданно слева появился провал. Это наш овражек сливался с другим, значительно большим, Мансуровским оврагом. О его существовании я догадывался и даже представлял его огромность. Ребята не обратили на него внимания, скатываясь по каменистому жёлобу вглубь оврага. Я же остановился, оглянулся в сторону природного чуда и мне стало не по себе. Крутые, почти отвесные берега уходили в темноту. С обеих их сторон к небу взметнулись могучие пихты, многие из которых помнили наверное, ещё первых поселенцев деревни. Их кроны закрывали небо, солнце, да и свет тоже. Побежал догонять доморощенных искателей приключений. Как никак, а среди них я был старшим по годам. Мне шёл уже тринадцатый год. Поэтому я чувствовал себя взрослым и ответственным за то, чтоб ничего ни с кем из ребят не произошло.

Увидел, что все храбрецы остановились и ждут меня. Оказывается, неспроста. Когда приблизился, то увидел, что они стоят над обрывом. Внизу мрачно блестит лужа. С обеих сторон крутые берега оврага. С них можно легко сорваться и разбиться. И обойти их нет никакой возможности. Что же делать? Возвратиться назад и вновь увидеть испугавший меня зев Мансуровского оврага? Нет уж!

Опять же неизвестно, насколько глубок преградивший нам путь водоём. Вон говорят озеро, что на лугах, так оно вообще бездонное.

Думали не долго. Путешествие решили продолжить. Но для этого нужно было забросать лужу ветками, сучьями, корягами. Этого добра вокруг валялось много. Уже через полчаса куча хвороста достигла почти края обрыва. Я взял батарчину и попытался определить, насколько плотно утрамбовались ветки и сучья. По моему, хворост лёг плотно. Я прыгнул на образовавшуюся кучу, она спружинила, но я удержался. Потоптавшись на сучьях, я сказал ребятам, чтоб подтащили валежника ещё, а потом стал принимать их по одному к себе. Дальше они скатывались по упругой куче на дно оврага.

И тут я вспомнил, как нынешней весной в самый разгар половодья увязался с одноклассниками Сашкой Тамбасовым и Васькой Мартышевым посетить их морской флот. Оба они были в команде подпольного Клуба юных моряков, где предводителем закрепился Сашка. Мы по не полностью оттаявшей дороге шли, разговаривая о разных разностях, по мостику через Ишетку, по дороге к мельнице Комихе, не заходя в Дуброву, оставляя слева Комино и, завидев избы Балчуга, свернули вправо. Углубившись по едва заметной тропинке, известной, скорей всего, только моим друзьям, мы подошли к бурлящему потоку речки, которая в летние месяцы представлялась безобидным ручейком, а сегодня это

была широкая неумная водяная стихия, способная увлечь в свои воды любого неосторожного путника. Над речкой, соединяя её берега, нависала упавшая сосна. Её некогда подмыло и она удачно падая, зацепилась за противоположный берег. Сашка, как командир, шёл впереди. Следом, неуверенно переступая по скользкому стволу дерева промокшими «кирзовиками» я, с ужасом поглядывая вниз на клокочущую грязно – серую воду, судорожно хватался за ветки. Сзади меня страховал Васька. Ребятам это путешествие было не впервой и они, похоже, не боялись, или прятали свой страх, всё-таки неудобно было передо мной.

Но путешествие по импровизированной переправе закончилось благополучно. Мы спрыгнули на землю, чавкая в липкой трясине, прошли ещё некоторое расстояние. В маленьком заливчике, где вода вела себя более - менее смирно, колыхалась лодка, привязанная вожжиной к черноталу. «Так вот он какой – их морской флот!», - подумал я.

Ребята осмотрели судно. Нашли, что оно удачно перезимовало. Ремонта не требовалось. Только прошпаклевать немного по правому борту, просмолить днище и можно отправляться в поход.

Мои спутники начали строить планы, как они летом будут ходить на своём корабле и совершать подвиги. И мы повернули назад...

Где - то в вышине в вершинах деревьев слышался шум ветра. Изредка цвиркали лесные пичужки, каркали вороны, стрекотали сороки. Их крик скорей всего доносился с околицы деревни. Валя Плещова, держась за мою руку, доверительно проговорила: «Мамка вчерась ругалась на Нюрку Михайлову. Ты знаешь, она ведь умеет превращаться в страшную птицу и летать по лесу. А если кого встретит в лесу, заведет в чащобу и торгаётся над ним!» И словно в подтверждение её слов с

соседней пихты вдруг сорвалась большая тёмная тень и, взмахнув крылами, тяжело хлопая в воздухе, медленно заскользила по оврагу. От неожиданности мои спутники замерли на ходу. Бледность лиц лишь подчеркивала пронизавший их страх. Да и у меня на душе было не лучше. «А вдруг так оно и есть», - мелькнуло в мозгу. Ведь действительно в деревне ходили разные слухи про разбитную, шумную молодую женщину, участницу не редких скандалов.

Я крикнул, чтоб запаслись камнями, а сам вооружился длинной суковатой палкой. Это на случай обороны.

Откуда - то появились тучи мошкары. Было прохладно, сыро. Подбежал Васька: «Вов, я уголь каменной нашёл. Много - много!» Что - ж, надо глянуть. Мы подбежали за Васькой. У поворота рядом с упавшей от старости пихтой из земли торчали два огромных валуна. Сизобледная боковина их мрачно уставилась на нас. К сожалению, великаны не имели отношения к полезному ископаемому. Жалко. Мы уже видели себя открывателями богатства, которое прославит нас и нашу деревню на весь мир.

А жёлтая змейка оврага звала дальше. Больших поворотов больше не предвиделось и мы далеко видели, куда стремится след пересохшего ручья. Справа лес то редел, то сгущался. Видимо, мы проходили мимо полян, на которых в летнее время колхозники по разрешению местного лесника (лес-то казённый !) заготовливали сено для своих бурёнок. Впереди за кустами чевечушника мелькнуло рыжее пятно. Валя Сенникова крикнула: «Смотрите, лиса!» Она у нас была самой глазастой. Зверёк, а это действительно оказалась молодая лисица, выскочила из - за куста. Мы не желая того, потревожили её сон. Она злобно твякнула на нас и прыжками скрылась за стволами деревьев. Колька хотел преследовать её, в

нём проснулся азарт охотника. Но мы отговорили его от зряшной затеи.

Послышался далёкий шум ключа. Этот шум мы не могли спутать ни с чем. Ведь его мы всегда слышали, когда возвращались из Залужской школы домой. Мощный рокот тревожил тишину леса уже при спуске по тропинке от Мансуровской фермы. Мы обычно, преодолев каменистое дно оврага, взбирались на крутизну склона и выходили из леса. И вот он – ключ. Взъерошенные и потные, мы подбегали к жёлобу и жадно глотали вкуснейшую воду! Она была холодная, ломило зубы, но почему - то мы никогда не жаловались на горло.

Итак, мы поняли, что подходим к нижнему ключу. Моё внимание привлекло то, что долина оврага расширилась, след от потока ручья разветвился на несколько рукавов. Между ними высились нагромождения из валунов, стволов не сгнивших деревьев, разного мусора.

Спросил Галку: «Это здесь вы играли в каникулы - то?» «Нет, - она показала рукой, - Вон, там. Видишь, ёлка наклонилась на другую сторону?»

А дело было так. Весенние каникулы в Залужской школе, да и в других сельских школах, начинались не по установленному графику, а приурочивались к весеннему разливу. Это чтоб после спада воды ребята могли спокойно перебираться через присмирившие ручьи, ручейки, суходольные протоки и прочие препятствия. Поэтому третья четверть на селе была самая длинная. Так вот, Галка и Колька однажды были отправлены за водой на нижний ключ. Они набрали в вёдра воды и решили поиграть в овраге. Что им взбрело в голову, история умалчивает. По дну оврага шелестел небольшой ручеек. И ребята то один, то другой перепрыгивали с камня на камень, перебежали с одного берега на другой. Только вдруг их насторожил глухой шум, доносящийся с верховьев оврага. Вначале они не придали этому значения и

продолжали носиться по ручью. Но шум усиливался, в нём чувствовалось что-то зловещее. У Галки хватило ума позвать брата к себе и они вскарабкались по круче к месту, с которого срывалась ключевина.

Какая же картина открылась перед ними? По оврагу с рёвом нёсся огромный поток льда, хвороста, грязи, камней. Можно себе представить, что чувствовали в этот момент сестра и брат! Ведь если бы ещё несколько минут или даже секунд промедления и они оба были бы раздавлены и унесены в недалёкую отсюда реку Вятку.

Скорей всего, где - то в узких каньонах оврага случился затор, который до поры до времени копил свою силу и вот сегодня, поднатужившись, прорвался...

Освежив в памяти воспоминания, оставшиеся от весенних каникул, мы продолжили свой путь. Идти стало легче. Лес поредел, ручей расширил своё жизненное пространство. Это была уже малюсенькая речушка с миниатюрными песчаными берегами. Ноги недолго выдерживали студёную воду, приходилось выскакивать на бережок. Наконец, лес закончился и мы вышли на место скрещения четырёх дорог: в Токари, в Мансурово (зимняя дорога), на Токарёвские луга и на Малые луга.

По ручью (хотелось проследить, в каком же месте он впадает в Вятку) мы через заросли ивняка вышли на высокую песчаную отмель, что выметало как раз напротив Сильдуга. Было приятно подставить животы под июльское солнце.

Галка вдруг заторопилась домой. Я погрузнел. Попросил её, чтоб она ничего не рассказывала матери о нашем путешествии. Она заверила, что так и будет, и убежала. Но я – то знал, что мне достанется. Как всегда, по полной...

Взгляд из детства третий. На рыбалку

В маленьком оконце клетки засерело небо. Мелькнула мысль: а вдруг опоздал. Ощупью нашарил штаны, натянул их, заправил доживавшую последние дни штопанную, перештопанную рубашку. Вышел тихонько («на перстиках», как сказала бы мать), чтоб не разбудить Галку и Кольку, из клетки – нашей спальни, куда мы перебирались с наступлением летних дней. С вечера Колька долго и нудно упрашивал меня взять его с собой на рыбалку. Только я отказался – разгонит мне всю рыбу. Да и может неожиданно закончить. И от рыбалки останутся одни только грустные воспоминания.

По двум нешироким маршам лестницы спустился к заднику- двери, что вела из дома в огород. Снял со штыря, вколоченного в амбарную стену, кожаную истрескавшуюся сумку, приготовленную ещё с вечера. В сумке, как и в прежние походы, находились нехитрые припасы: банка с червями (вчера перед закатом солнца тайком от матери я разгрёб унавоженную грядку и вытащил - таки до двух десятков мясистых розовых обитателей земли), запасные удочки, грузила, моток лески, ножичек. Тут же завернуть в газету горбушка хлеба, лук, три яйца, соль.

Надел отцов пиджак, уже старьёй (мне думается, его ещё дедко Бусой носил), с оторванными напрочь карманами и «обремканными» рукавами.

С улицы доносился звук колотушки. Это Михаил Петрович, древний сухонький старичок, который наверное, помнил ещё японскую войну, ходил по деревне и, чтоб не заснуть, а больше для того, чтоб сельчане знали, что он бодрствует и охраняет их жизни от, не дай Бог, случившегося пожара.

Открыв задник, я убедился, что удилица на месте, у амбара. Значит, Колька, пригрозив, что спрячет их так,

чтоб я не смог найти, угрозу свою не выполнил. Это уже хорошо!

С непривычки прохлада заставила поежиться. Но в преддверье удивительного действия – утренней рыбалки, я встряхнулся, вышел через дощатую хлипкую калитку на улицу и заторопился на угор. Можно было, конечно, пройти огородом, перемахнуть через изгородь, спуститься к конному двору в ельник, а там по не приметной тропинке проскользнуть в ложок. Только утро ещё не вступило в свои права и вместо четких контуров домов угадывались лишь их тени. А в лесу, наверняка было ещё темнее а, значит, и страшнее. И я в припрыжку, отплясывая голыми пятками по росистой траве, побежал к трем березам. Они за столбились на краю деревни, где ровный луг резко обрывался в сторону реки косогором, заросшим вересником.

Михаил Петрович (мы с ребятами меж собой называли его «Дедмихаем») встретился около Наташкиного дома. Надо сказать, я не знал, кто такая «Наташка». Знал только то, что недавно здесь жил дядя Саша Вшивцев с семьей. Но, пожив не больше года, он куда-то уехал. А дом оставил заколоченным.

«Чё, на рыбалку собрался? – спросил дед, не переставая настукивать колотушкой. «Эх, мне б такую, - подумал я, но произнёс другое: «Да отец вот разрешил». Желанья продолжать разговор не было. Дед не обиделся: «Ну, давай, давай! Толькё на моё место не садись». Мы разминулись.

Знал я, что есть у Дедмихая заповедное место у крутика, где ветвился разросшийся куст ивняка, оккупировав не только сушу, но и захватив участок водной глади около берега. Небольшая, и тем не менее глубокая промоина оказалась идеальным местом для рыбалки. И, облюбовав его, дед почти ежедневно наведываясь сюда с удочками, подкармливал рыбу смесью пшенично – овсяной каши с

только ему известными добавками. Прикорм в дырчатой жестяной банке он опускал на дно реки около берега.

Когда я подошел к угору, вершина склона правобережья уже засветлела. Значит, скоро и солнце взойдет! А вокруг тишина и покой! Колотушка, и та замолчала. Видимо, Дедмихай отсторожился и ушел в избу. Ветер едва шевелил листья березок. Бледное одеяло реки величаво раскинулось от верхних лугов до загогулины Атарской излучины. Таинственный полусумрак ещё хозяйствовал здесь, но уже появились некоторые признаки того, что его могущество заканчивается. Уже прорисовывались четкие абрисы ёлок, уже светлели недалекие луга с серыми пятнами «кабанов». Невольно вспомнилось...

Багряной зарею покрылся восток.

В селе за рекою потух огонёк.

Проснулись люди, спешат на поля.

Проснулось солнце, ликует земля.

Эти слова не однажды декламировал отец. Он учил их в своем далеком детстве, обучаясь в деревенской школе, что располагалась в доме Вахонина после его отъезда «на производство». От школы у отца сохранились не только радужные воспоминания (ему интересен был мир познания), но и горькие минуты. В школу его отдали переростком. И поэтому ребята часто дразнили дылдой. «Я разозлился одиножды и как дал одному в пах. Он заревел. А ко мне больше не приставали...»

Я представил, что с другого берега смотрят в сторону нашей деревни какие-то люди и, возможно, тоже чувствуют это единение души и природы. И наверняка у них тот же душевный настрой умиротворения и предчувствия чуда, связанного с рождением нового дня.

По каменистой дороге я спустился до развилки и повернул направо, на дорожку, устремившуюся в ложок. Сейчас справа от меня теснились можжевельниковые заросли. Слева высились стройные ели, молодые, напористые, с

колючим подлеском. Конечно, даже сейчас было немного страшновато. Успокаивало только то, что дорога просматривалась на большом расстоянии. Вот она скользнула под сень деревьев. Мозолистые корни молчаливых елей, кой - где прикрытые мхом, густой сетью устилали лес. Здесь по вечерам с малых лугов часто прогоняли стадо коров и овец, и потому подстилка леса была во многих местах выбита копытами.

Но что это? Я почти споткнулся о нагромождение ветвей преградившей мне путь ели. Огромные щепы, как зловещий оскал невиданного животного вонзились в небо. Вспомнил, что несколько дней назад после долгого нестерпимого июльского зноя на деревню обрушилась гроза, жуткая, бешеная. Молнии нещадно полосовали побережье, особенно, ельник. Именно возмужавший в последние десятилетия еловый лес, прытко наступающий на пока ещё плешивый угор, принял главный удар огненных стихий.

Я и раньше, сопровождая отца по царственным угольям лешего, нередко обращал внимание на измочаленные неведомой силой дерева. Но сейчас передо мною возвышалось нагромождение ещё не успевших привянуть ветвей, длинных пластин расщепленной от макушки до корней ёлки. Какая же неизмеримо могучая сила сумела расправиться с лесным исполином! Я физически ощущал невидимую, но оттого не менее жуткую боль погибающей ели. И, пораженный и взволнованный увиденным, я некоторое время даже не мог пересилить себя и продолжить путь.

Ближе к ложку дорога пересекла широкую поляну, затем, едва открылась прогалина ложка, метнулась на противоположную сторону, в бор. В бору, среди царства сосен было уютней, чем в еловых мрачноватых зарослях. Почувствовал себя веселей. Но вот и обрыв, а под ним уже засиневшая река. Осторожно спустившись по красноватой крутизне, отметив про себя, что ныне вновь во время

половодья река подмыла деревья и они начали сползать к реке. А другие ещё цепко держались за вершину уступа. Хотя, похоже, их уже ничто не может спасти от печальной участи.

Река неумолимо, может уже не одно столетие, подтачивала левый берег. И он постепенно вгрызался во владенья бора.

Я не послушался Дедмихая, а сразу устремился на приметное место. Рогульки для удилиц оставались воткнутыми в песок. Аккуратно вырытые в крутике ступеньки, идущие от уровня воды, увенчивались небольшой гладкой дощечкой – сиденьем. Рядом – углубление для припасов, куда я тотчас выложил содержимое сумки. Неспешно раскрутил удилице. Нанизал червяков и забросил удочки на максимальную дальность. Укрепив удилица в уготовленные захваты, я уставился на недвижность поплавок. Река мерно дышала. Кой- где уже выплескивала рыбешка, пока ещё робко и осторожно. Виделись шевеленья воды около проплывающих листочков, кусочков сосновой коры, кем – то обронённых цветов. Это забавлялись рыбки, мы их называем «овсом».

Пологая полоса берега, простирающаяся вплоть до Заборских лугов, была обильно приправлена россыпью известняковых камней. Среди них попадалось много с вкраплениями останков раковин, моллюсков... Я читал, что здесь некогда, много миллионов лет назад, плескалось Пермское море, и его отложения оказались в ложе Вятки. И вот теперь, река, отвоевывая от последующих напластований крутизну берега, открывала скрытые временем тайны. Отсюда – мой интерес к этой россыпи камушков со следами древней истории Земли...

Слева от меня берег упирался в Бичевую, а за нею серела песчаная отмель – место наших игрищ во время полуденного отдыха колхозного стада.

Передо мной на другом берегу зеленел ивняк Большого острова. За островом, я знал, проходит рукав старицы, а далее обширная долина с узкой полоской прибрежного озера. Недалеко от озера, повторяя его изгибы разбросаны домишки деревни Сильдуг, а ещё дальше на гору взбирается едва не достигая горизонта деревня Смутяки.

Солнце уже высветило противоположный берег. Его блики засеребрили и зеркало реки. Только тень могучих сосен шумящих за спиной, простиралась чуть ли не до середины реки.

Поплавок вначале едва заметно задрожал, потом раза два дернулся и уверенно пошёл ко дну. Я схватил удилице, чуть подсёк и вытащил небольшого окунька. Что ж, начало есть. Снарядив снасть, я вновь забросил удочку за куст, тем более, что вторая удочка тоже выказала беспокойство. На этот раз в воздухе блеснула шеклея, не очень любимая мною рыбёшка. Она широкая, но тощая и длинная. Одни кости.

Но вот первое удилице повело себя как – то странно. После поклёвки поплавок вначале исчез в глубине реки, затем неожиданно вынырнул и тут же потянулся вверх по реке, взбороздив водную гладь. Я взволновался. Только бы удочка не зацепилась за ветви ивового куста. И решительно рванул удилице. Вначале я не понял: на крючке была плотвичка, но следом, зацепившись за неё, в воздухе описывал дугу жерех. Молодой, не больше сорока сантиметров в длину. Поскольку он ещё не успел заглотать жертву, то под тяжестью своего веса оторвался от сцепки и упал в прибрежную осоку.

Я, бросив удилице, вскочил и побежал к рыбине, не разбирая дороги. Угодил в кипунчик с разводами маслянистой нефтеподобной пленки. Но успел – таки схватить прыгающего по уклону в сторону воды щурёнка. Ещё бы секунда – другая и он ушел бы в глубину реки. Руки мои непривычно дрожали: вот так удача! В сумке уже барах-

талось несколько рыбин, а когда к ним присоседился последний пленник, сумка прямо заходила ходуном.

Захотелось есть. Я, развернув газету, очистил яйца и, посолив их, отправил в рот. Затем, освободив от верхних одежд головки луковок, также с наслаждением, на этот раз с хлебом, начал их уплетать, ощущая острый их вкус на зубах.

Завтрак не занял много времени. Поплавки замерли. Солнце сокращало тень. Я наслаждался уютным пейзажем, окружавшим меня. Какое-то умиротворение нашло на меня. Хотелось, чтоб эти мгновенья продолжались и продолжались. Вокруг было как в том сне, когда мне почудилось, что я в райских кущах, когда на меня снисходит вселенская благодать. Ведь всё, что меня окружало, излучало нежность, теплоту, тихую радость. Я, сидя на бережку, был самым счастливым человеком.

У меня было ощущение, что меня окружает не бездушное пространство, но живая добрая природа, тайны которой предстояло познать, слиться с этой природой в единое целое и понять нечто, что постоянно ускользало от меня в повседневной жизни. Ведь что-то же завораживало меня в неизменной изменчивости той же реки, того же берега, поросшего колючими побегами недавно скошенной осоки. Вот этой кручи с упавшими стволами сосен, в которых запуталась старая морда, рыболовная снасть деревенских мужиков, сделанная из ивовых прутьев. Да и неба, голубого и бездонного.

Я наслаждался волшебными минутами полного единения с этим местом.

Сзади послышался шорох. Оглянулся. С высокой кручи на попе скатывался Колька. «Вов, тебя мамка зовёт. Говорит, надо коров выгонять. Сёдне наша очередь караулить».

Сказка закончилась. Но я понимал, что продолжение сказки ещё следует...

Последняя встреча с малой родиной

Июньское утро 2004 года меня застало в Советске. Сказать, что начинался погожий день – значит ничего не сказать. Погода стояла изумительная. И я принял решение использовать на полную катушку каждый час такого волшебства. Позвонил в Ситемку Лидии Михайловне – главе администрации и жене моего школьного товарища Толи Лопатина, и высказал желание перебраться на левый берег Вятки. «Приезжайте будем рады, – ответила она, – правда, Толя Вас встретить сейчас не сможет, но... что-нибудь придумаем». Володя Демшин, внук бабушки Ольги Яковлевны, у которой я квартировал во время учебы в медучилище, в настоящее время состоявшийся предприниматель, известный в городе человек, за каких – нибудь 15 минут домчал меня на своей иномарке до Петропавловска. Не успел я вылезти из автомобиля и размять ноги, как он уже подбежал ко мне и, показывая на молодого человека, сообщил: «Вот он тебя сейчас переправит на тот берег». Мы попрощались (Володя спешил по своим делам) и я спустился к реке.

Владелец моторной лодки уже готов был к выполнению новой миссии и как только я забрался на судно, ловко крутанул стартер и мы под рев мотора рванули к противоположному берегу.

Сердце мое учащенно билось. Вот она – моя родина! Я снова пришел к тебе! Поблагодарив невольного благодетеля, отказавшегося от оплаты, я с саквояжем, в котором значительное место занимали видеокамера и фотоаппараты, ступил на всхолмленный с глубокими колеями песчаный берег.

Шёл по отсыпанной дороге умиротворенный и взволнованный. Запахи разнотравья пробуждали картины далекого прошлого, когда я ещё ощущал себя неотъемлемой

частью природы. Голубое небо вызывало лирическое и в то же время грустное настроение. Трубно гудели шмели, собирая с придорожных цветов взятку.

Я готов был идти и идти, встречая порывы легкого ветерка и наслаждаясь удивительной гармонией, царящей в природе.

Неожиданно метрах в двадцати от меня из сочного травостоя вынырнул зайчонок. Сел на задние лапы прямо посреди дороги и замер. Что делать? Я остановился. Осторожно вытянул из саквояжа видеокамеру. Зверек, однако, не стал дожидаться, пока я вставлю аккумулятор, неспешно сделал несколько прыжков и вновь превратился в серый пушистый столбик. Он зорко наблюдал за мною. И как будто ждал, когда же я начну его снимать. Но я вспомнил, что и кассета ещё не вставлена. Подождав еще немного, зайчишка неторопливо отбежал, увеличив расстояние между нами раза в полтора, а потом сиганул а заросли изняка.

Не успев еще отругать себя за свою нерасторопность, я услышал мотоциклетный треск. Навстречу тархтел «Урал» с коляской. Остановившись передо мною, пацан лет тринадцати сообщил: «Лидия Михайловна за Вами послала». Я был благодарен этой женщине.

Как истинно русская хлебосольная душа, она сразу же усадила меня за стол. Но я уже мысленно был в Токарях. «Куда ж Вы один? - удивилась она, - там сейчас столько зверья, лоси, медведи не редкость. Тут кировчане (она имела ввиду новых русских из областного центра) взяли в аренду почти тысячу гектаров земли, на Гальете сеют овес, подкармливают медведей, а потом устраивают на них охоту. Давайте я хотя бы с Вами направлю какого –нибудь ребенка. Мужики - то на лесных делянках лес заготавливают». Я отказался от сопровождающих, здраво рассудив, что если случится встреча с тем же

медведем, ребёнок будет мне обузой, да и пострадать можем оба.

Итак, настроив фото и видеотехнику, я зашагал знакомой дорогой к Токарям.

В последние годы природа внесла коррективы в очертания местности. Ранее ухоженные, засеянные зерновыми культурами поля сегодня оцетинились самосевом хвойных деревьев. То тут, то там кучковались молоденькие березки. Вместо яркозеленого бархата пшеницы поле покрылось болотными пятнами прошлогодней травы. Над лапшовскими полями как и прежде, носились непоседливо кулики (чибисы). При моем появлении они подняли невообразимый гвалд: я, оказывается, потревожил их размеренный быт.

Я шёл по полю, даже не пытаясь угадать дорогу – это было бессмысленно. Подойдя к месту, где давным-давно стояла Вышка (для топографических работ), я обнаружил огромную лужу, преградившую путь на другое поле – называемое в деревне Мышляковым. Пришлось эту лужу обходить и, далее, срезая углы, идти напрямик к Острову. Здешняя топонимика меня всегда ставила в тупик. Удивительно было то, что от острова до Юдиной дороги до сих пор время и природа не тронули песчаной дороги. Обратил внимание на изрытые дикими свиньями придорожные участки поля. Следы копытных указывали, что хрюшки паслись здесь совсем недавно. Вспомнил, что Лидия Михайловна говорила, что два дня назад она с представителем районной администрации пытались попасть на автомашине в район Петухов, но прошедший дождь не позволил этого сделать и им пришлось возвращаться восвояси. Т.е. два дня назад здесь прошел хороший дождь. А следы – как будто оставлены сейчас.

Вдруг я увидел отпечаток огромной когтистой лапы мохнатого животного. Зверь держал путь в ту же сторону, что и я. По телу невольно побежали мурашки. Я присел

на корточки и соображал, что же предпринять. Вернуться назад, когда большая часть пути уже преодолена. Или, надеясь на удачу и везение (на русское «авось»), все же рискнуть и продолжить движение через этот, сразу ставшим неприветливым, лес. Выбрал второе. Но пока я, чуть дыша, прислушиваясь к каждому шороху, трескотне сорок, скрипам сухарника, продвигался по просеке, некогда служившей дорогой, ежесекундно готов был к встрече с непрошенным объектом. Несколько успокоился, когда миновал нестройные узловатые сосны, подступившие к полю. Но и выйдя на открытое пространство, я через объектив видеокамеры обшарил глазами окрестности, приближая сколько это возможно, самые дальние уголки. Все было спокойно.

Случай из прежних посещений (неслучайная вставка)

Невольно вспомнилось мое путешествие в родные края два года тому назад. Тогда, договорившись со знакомыми ребятами из Советска, мы поехали навестить деревушку на «Ниве».

К сожалению, именно в том месте, где ныне я увидел встрево-жившие меня сле-ды зверя, дорога упиралась в забо-лоченность, про-ехать через которую машина не смогла. Мы попробовали отыскать ещё два пути, которые иногда использовались для сообщения деревни с миром. Они полностью заросли, стали непроезжими.

Тогда я оставил ребят с машиной около болота, а сам в одиночку двинулся в деревню. День был не из лучших. Облака затянули небо. Сыпала мелкая дисперсная морось. Иногда в просветах появлялось солнце, но оно уже не вызывало радужного настроения: одежда становилась влажной. Ботинки промокли насквозь. Несмотря на неудобство и дискомфорт, я шёл по устоявшемуся маршруту, фотографируя изменения облика деревни:

березы, перекрывшие улицу близ развалин Маниного дома, возмужавшие отпрыски липы, некогда заглядывающей в окно моего дома. Но, уже подходя к останкам дома, в котором я прожил пятнадцать лет, я вдруг ощутил тяжелый пронзительный взгляд, сверливший меня.

Он исходил откуда - то слева из зарослей. Стало не по себе. Отгоняя от себя дурные мысли, я всматривался в зеленую пелену кустов, но ничего подозрительного не обнаружил. А потому, стараясь казаться спокойным, я неторопливо продолжил свой путь до угора. Как бы там ни было, явственно чувствовалось присутствие кого – то, не испытывающего ко мне добрых намерений. Взгляд давил в спину, вызывал тревогу.

Сила его несколько ослабла, когда я уже приблизился к деревенскому форпосту – двум березам, что являлись визитной карточкой угора.

Я успокоился и, несмотря на насквозь промокшие ноги и отяжелевшую одежду, свернул к кузне, к останкам дуба, служившим наковальней тутошнего кузнеца. Одряхлевший обрубок был сед и худ. Зеленоватый мох покрывал его от верхушки до земли. Мне стало жаль его. «Здорово, старина!» Я многое вспоминал, находясь в этом месте и в первую очередь, невозвратные волшебные мгновения детства и ранней юности.

Но дальше мой путь лежал по нижней дороге к конному двору. Постоянно приходилось ловить себя на мысли о желании хоть на миг воскресить давно ушедшие дни, вновь прикоснуться к материальным свидетельствам эпохи середины двадцатого столетия, ощутить особую атмосферу канувшего в лету неоднозначного времени. Но глаз не мог отыскать хоть какой – то зацепки, напоминающей о прошлом. Некогда открытое пространство постепенно, как шагрeneвая кожа,

сокращалось, уступая место разнокалиберным зарослям как хвойных, так и лиственных деревьев и кустарников. Окинув взглядом загумна с прилегающим к ним полем, где некогда выращивали картошку, я повернул к отчему дому. И вдруг вновь ощутил на себе все тот же тяжелый взгляд.

Никогда в жизни ни до ни после такие взгляды не вызывали во мне той тревоги и желания покинуть некомфортное место. Опасность вновь исходила из зарослей, что заполонили место, на котором некогда стоял дом Михаила Петровича Перминова. И чем ближе я подходил к прогалине, разделявшей двухсторонку деревни, тем сильнее, почти физически ощущалось, что я здесь не один. Я не мог понять, что же это такое, терялся в догадках. Ясно, что это нечто не могло быть зверем: зверь либо вышел бы мне навстречу, либо, почуяв присутствие человека ретировался бы в лесную чащу.

Я не спеша (как мне казалось), миновал прогал, ещё раз сфотографировал потемневшие стены клетки и зашагал прочь из деревни. Облегчение почувствовал только тогда, когда оказался на Прямой дороге...

Этот случай в моей памяти сохранился бы как некий казус обостренного восприятия того дня, того общения с родной деревней. Но... уже возвращаясь домой, на железнодорожном вокзале г. Кирова после приобретения проездного билета, я по привычке решил заглянуть в киоски «Роспечати», где не преминул заглянуть в местной прессой. В том числе купил «Кировскую правду» за седьмое и четырнадцатое июня, «Вятский край» с приложением на 14 – 21. 06. 2002 г. На развороте Кировской правды» обнаружил подборку заметок под общим названием «Встреча с неандертальцем?», где описывалась встреча лесничего из Оричевского района Бориса Михайловича Либерова с неизвестным существом. По его рассказу это был зверь 2,5 метрового роста с человеческой головой,

светло – серой шерстью. Прямоходящий. Он смотрел на лесника и не было в нем агрессивности. Но чувство безотчетного страха вдруг овладело Борисом Михайловичем и, как он вспоминает, он вышел из ступора, да как даст стрелкача. И это человек, который не боялся встреч с медведем и волком. Доктор биологических наук С.А. Корытин объяснил это наличием у данных существ (назовем их реликтовыми гуманоидами) высоких экстрасенсорных способностей, способных телепатически повлиять на современного человека.

Весьма возможно родич «снежного человека», встретившегося с Б.М. Либеровым и явился источником моей тревоги. Там, в деревне. Утверждать сложно и я не берусь этого делать, но как предположение – не исключаю. Глухомань, окружившая развалины деревень, непроходимые леса, урочища, глубокие заросшие густым ельником овраги – своеобразная зона покоя, наступившая после того, как эти места покинули коренные жители. Животный мир обогатился с приходом сюда полчищ диких свиней, а за ними потянулись волчьи стаи (хотя и прежде встречи с волками здесь не были чем – то исключительным).

Последняя встреча с малой родиной (продолжение)

И, тем не менее какая – то бесшабашность овладела мною. Я изменил привычному маршруту. Решил обогнуть деревню с другой стороны, прошагать её по периметру, углубляясь, где это возможно, в лесную чащу, в разнотравье, в молодой подлесок. Я спустился почти до середины Артюхина лога, хотя 60-градусная крутизна его и пугала меня. Устье его, скрытое вымахавшими к небу на добрых два десятка метров сосен и темнеющее ночной мглой даже в ясный летний день заставило меня остановиться, а потом судорожно карабкаться вверх. В этот раз я не в пример предыдущим посещениям много ниже опустил по

бывшей дороге, что вела к нижнему ключу. Если бы рядом был какой – никакой спутник, я был способен добраться до самого ключа. Увы – рядом только жужжали шмели, прозвенкивали оводы, надоедливо липли мухи.

Я тяжелым шагом и даже нехотя, поплелся по другой стороне деревни, увязая в подстилке прошлогодней травы, по одворицам, некогда принадлежавшим Вахонину, Бородину и другим домохозяевам, проживавшим на восточной стороне деревни...

Я стоял в середине деревни, окруженный подступающей со всех сторон порослью молоденьких лип, березок и даже кленов. В голове куролесил сумбур. Мысленно проносились картины недлинной истории этого затерянного в глухих вятских лесах уголка – моей Малой родины. Я почти физически ощущал биение пульса эпох, сменяющих друг друга, отличных по укладу, по образу жизни поселенцев, начиная с угрюмого (как мне кажется) Бушмаки. Перед глазами вырисовывались избенки первопроходцев, лепившиеся в начале к крутизне угора, а потом устремившиеся по ровному плато, отвоевывая у соснового бора жизненное пространство под строительство изб, сараев, хлебов, бань, под пашни и огороды. Мне виделся расцвет деревни с тремя десятками домохозяйств, с сельским сходом, который решал общие вопросы жизни поселян, с устойчивыми взаимоотношениями между крестьянами. С крепкой властной рукой мудрых опытом старейшин. И мне не казался случайностью тот факт, что именно здесь, казалось бы на страшных неудобьях расположилась деревня Токари. Наши предки также любили красоту природы и именно уникальность природных образований, созданных высокими, в отдельных местах почти отвесными, берегами широкими пойменными лугами с голубеющими донцами озерков, причудливые излучины Вятки с золотыми песчаными косами.

Из детства вспоминаются неумолкающие гудки буксиров, тянущих многокилометровые плоты, перестук «моторок», звонкие песни, несущиеся из радиорубок пассажирских пароходов, проплывающих вверх и вниз по реке.

Этот уголок земли русской неповторим в любое время года. Зимой ли, осенью ли – всегда в нем находишь удивительную изюминку, завораживающую и поглощающую тебя целиком и полностью и – навсегда.

Мое детство пришлось на время умирания деревни. С отъездом из деревни очередного семейства неизбывная грусть поселялась в груди моей. Казалось, это чувство передавалось и остающейся части деревни.

Она как бы вращалась в землю, становилась менее опрятной, уже не следила за тем, что, то тут, то там проклевывается кустарник. Молодые березки выросли в пышные матроны. Некогда могучие тополя и черемухи теряли яркость зелени, засыхали. А они ведь помнили хозяев этой жизни, в давние времена посадивших и выпестовавших их, помнили их загрубевшие от трудной ежедневной работы («все делали вручную», - вспоминал отец) ладони, ласковые и нежные.

Эта деревня – сколько же в ней рождалось надежд на лучшее будущее, сколько она помнит счастливых (и не очень) судеб. Все они – ушедшие в мир иной, её старожилы часть своего сердца оставляли здесь, растворяясь в запахах луговых трав, в легендах, в той же топонимике. Каждый клочок получил свое название и эти названия сохраняются до тех пор, пока останется хоть бы один человек, живший в Токарях, пусть и покинувший эти места.

Да, пройдет еще несколько десятилетий и весьма сложно будет отыскать в гуще леса хоть что - то, что напоминало бы о деревне. Возможно, местность вернется

в первозданное состояние и долго еще не придет время, когда она будет востребована людьми. И пусть моя маленькая книжка для будущих поколений станет не только отголоском истории, но и щемящей болью неиспользованных в определенное время возможностей, чтоб превратить этот чудный уголок в красивейшее место отдыха для многих вятичей и не только их....

Вместо послесловия...

Мне повезло. Мне повезло в том, что я рожден был в уникальном уголке средней России, являющемся своеобразным слепком макрокосма. Здесь формировалось мое мировоззрение, мое мироощущение и именно отсюда я черпал и продолжаю вдохновляться идеями и идеалами жизни. Как бы там ни было, именно здесь содержательная сторона моего восприятия мира вначале мощным потоком вливалась в мой внутренний мир, затем закреплялась, а после этого уже совершенствовалась. Вся последующая жизнь подтверждает правильность данного посыла – меняется только форма передачи и восприятия информации, содержание же остается прежним. Именно микрокосм затерянного в глубине лесов в разломе Вятских увалов местечка несмотря на свою ограниченность, тем не менее, богатейшего по многообразию флоры, фауны, пейзажей, позволил впитать и запечатлеть в памяти удивительный мир согласия моего представления о совершенстве мира и его адекватного отражения. Боюсь, если бы я родился где – нибудь в другом месте, мой внутренний мир был бы скорей всего ограничен скудной фантазией и недостаточными потребностями.

Взять природу. Как уже говорилось, она здесь изумительна. Есть всё: обилие крутогорий заросших обособленными видами деревьев (к примеру, Малая Суत्याга - это светлый березничек, а через дорогу – уже сосновый бор.

По другую сторону – пихтовые заросли, резко переходящие в дремучий ельник),

Казалось бы, деревушка зажата со всех сторон лесом. Ан, нет - выйди на угор и перед тобой открывается картина, подобно которой ты не увидишь больше нигде (по крайней мере, во время своих странствий от северных морей, Черноморья, до Сибири и Дальнего Востока, не говоря уже об Урале, которому я отдал около 4 - десятков лет своей жизни, я аналогии не встречал). Перед тобой удивительнейший пейзаж обзора от Кукарской до Атарской излучин. Здесь Вятка причудливо изгибается голубой лентой то расширяясь, то ударяясь мощным потоком в один из берегов, подтачивая его, и в то же время увеличивая песчаные наносы со стороны противоположной, то вновь, встретив на пути скалистые образования, возвращается к другому берегу за добычей.

Между излучинами не один десяток километров и у меня есть возможность видеть это с одной точки. Противоположный берег менее лесист, поэтому множество деревень, некогда прилепившихся к пологим склонам правобережья были как на ладони и в детстве истоиво привлекали мой неподдельный интерес. Так уж получилось, что тогда я не смог реализовать свои желания, а, будучи взрослым лишь однажды мне удалось побродить по останкам деревушек, посетить некогда оживленные места.

В этом конгломерате долин и угоров, лесных угодий и распаханых полей, величественной реки, её рукавов, её притоков – для меня представлялась Родина с большой буквы.

А взять жизнь сельчан. С раннего детства я был свидетелем создающихся и распадающихся, как сейчас назвали бы коалиций, союзов. В деревне кроме 2-3 пришлых домохозяев, большинство состояли в родственных связях («коренная – то фамилия у нас была – Перминовы» - отметил Алексей Иванович, мой двоюродный брат). Тем

не менее, это не останавливало кого – то интриговать против тех или иных семей. А мы, дети, становились заложниками устраиваемых взрослыми баталий. Неокрепшему детскому уму сложно было разобраться в хитро-сплетениях вдруг возникшего охлаждения, отчуждения между соседями. А нам, детям хотелось вместе играть, вместе делать набеги на ягодные и грибные места, вместе покорять неизведанное. Причин же для отчуждения было великое множество. Вот, например, кто - то вознамерился выкосить поляны в казённом лесу, что за молотильным током, а другой подсуетился и уже успел договориться с лесничим и получил разрешение на косьбу. И между соседями возникает непонимание. Или, кто - то будучи любимчиком у бригадира, чаще других пользуется колхозной лошадью для подвозки воды с нижнего ключа, либо для вывозки сухарника из Гальетского лога. Или...Невиданный урожай яблок в нашем саду всегда вызывал жгучую зависть всех соседей, в том числе и ближайших родственников. Продажа яблок давала возможность передохнуть от беспросветья, позволяла одеть всех детей перед школой, да и положить в сундук, в котором мать привезла свадебное приданое, пару отрезов – на черный день. А яблонеый сад с более чем тридцатью плодоносящими деревьями был только у нас.

То есть, мой детский мир, он и на сегодня сохранился как калька того мира, в который мне пришлось окунуться взрослым. Хотя, может быть наоборот – это Большой мир был скалькирован с уместившегося в несколько квадратных километров кусочка Вятских урочищ. Поэтому моя неизбывная ностальгия по прошлому, по светлому времени, когда я глазами, полными удивления, радости, предвосхищения тайн и открытий, всматривался в волшебный мир непознанного и загадочного. Ведь именно там, как нигде я чувствовал свою родственную связь с природой. Я был её неотъемлемой частицей. И я готов

петь гимн моей Малой родине, пока бьется мое сердце, пока мозг воспринимает сигналы внешнего мира, пока я дышу. И при любой возможности я стремлюсь встретиться с теперь уже дремучей глухоманью с непугаными медведями и лосями, во что превратился красивейший уголок левого берега реки Вятки совсем недалеко от Петропавловска, в двадцати километрах от города Советска Кировской области...

***НЕОБХОДИМЫЕ
ДОПОЛНЕНИЯ
И
ПРИЛОЖЕНИЯ***

Из Архивной справки ГОУ «Государственный архив Кировской области» от 30.10.2008 г. №1-25/637.

В документах архива починок Бушмакин (Токари) впервые упоминается в списке населённых мест второго стана Нолинского уезда на 1860 г.

*Починок находился **«по левую сторону Яранского тракта при Безымянных ключах, обыватели православного вероисповедания, племени русского; промыслы, кроме хлебопашества – плотничество, перевозка грузов, бурлачество, от уездного города – 60 вёрст, от центра стана – 40 вёрст».** В починке было 15 дворов; проживали 140 жителей, из них 61 мужчина и 79 женщин.* (Ф.574, оп.1, д.69, л.87 об., 88, 152.)

*В списке населённых мест Нолинского уезда на 1869 г. значится починок **«бывших удельных крестьян с официальным названием Бушмакин, а название, употребляемое в народе или в простонаречии – Токари».** В починке было 20 дворов проживали 133 жителя, из них 60 мужчин и 73 женщины.* (Ф. 574, оп.1. д. 287, л.68 об., 69.)

*В вопросном листке на починок Бушмакин (Токари) Заборского сельского общества Александровской волости Нолинского уезда на 1874 г. сообщается, что починок относился к приходу Спасской церкви села Атары Яранского уезда. В починке было **«18 дворов, отдельных жилых изб – 7, все деревянные и крыты деревом»*** (Ф.574, оп. 1, д.662, л.24,24 об.)

*В анкетных сведениях о приходе Спасской церкви села Атары Яранского уезда на 1882 г. указано, что **«приход состоит из жителей селений Яранского, Уржумского и Нолинского уездов, все жители русского происхождения. Иноверцев и сектантов нет. Большая часть при-***

хода отделена рекой Вяткой и состоит в Нолинском уезде, прихожане живут по – христиански, не чуждаясь друг друга. Большая часть прихожан, занимающихся отхожим промыслом, с 15 летнего возраста иногда до старости, усваивает обычаи тех местностей, где работает; да самый разговорный язык много отличается от местного наречия, смотря потому, кто где работает: в городах заводах, деревнях. В экономическом отношении можно о прихожанах сказать, что вообще народ трудолюбивый, кто не занимается отхожим промыслом, тот старается наверстать усердием в возделывании земли. Богатых в приходе немного, да и бедных было бы менее, если бы не семейные разделы. К церкви прихожане усердны, грамотность развивается, пьянства в приходе не заметно, кроме праздников и каких - нибудь семейных событий. Река Вятка протекает по приходу на 12 верст. Местные прибрежные жители занимаются рыбной ловлей, а арендаторы с 15 августа ловят преимущественно стерлядь. Дичи и зверей, особенно волков, много, но охотников на них нет. Строевого лесу в приходе очень мало; есть рощицы, которые берегут и пользуются только местные жители».

(Ф.574, оп.1. д.950/ 11, л. 1175, 1175 об.)

В подворной карточке Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по деревне Бушмакинской Заборского сельского общества на хозяйство крестьянина Ивана Семёновича Перминова сообщается состав семьи:

Хозяин , 60 лет, грамотный,

Сын, 35 лет, грамотный,

Сын, (Александр). 28 лет, грамотный (сделана пометка «Отсутствует 36 месяцев»),

Внук, 14 лет, грамотный

Внук, 3 года,

Хозяйка, 60 лет, неграмотная

Сноха, 38 лет, неграмотная,

Сноха, 28 лет, неграмотная,

Внучка, 13 лет, неграмотная,

Внучка, 11 лет,

Внучка, 7 лет,

Внучка, 1 год. (имена в документе не указаны).

В хозяйстве имелись: 1 лошадь, 1 корова, 5 овец, 4 ягнёнка. **«Промысловое занятие хозяина – плотник»**

(Ф.574. оп.6, д.116, л.6)

В материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по деревне Бушмакинской значатся крестьяне домохозяева:

1. Перминов Василий Стефанович, 52 года.
 2. Перминов Иван Михайлович, 26 лет.
 3. Бородин Василий Евдокимович, 35 лет.
 4. Злобин Семён Васильевич, 36 лет.
 5. Юдинцев Митрофан Васильевич, 34 года.
 6. Перминов Иван Семёнович, 60 лет.
 7. Перминов Петр Семёнович, 51 год.
 8. Перминов Семён Никитич, 55 лет.
 9. Хлюпин Семён Михайлович, 35 лет.
 10. Хлюпин Павел Иванович, 46 лет.
 11. Хлюпин Михаил Михайлович. 52 года.
 12. Перминов Василий Никитич, 42 года.
 13. Хлюпин Ефим Семёнович, 77 лет.
 14. Юдинцев Иван Ивольевич, 29 лет.
 15. Хлюпина Елена Александровна, 30 лет.
 16. Мельницын Александр Иванович, 66 лет.
 17. Мельницын Александр Александрович. 38 лет.
 18. Ларионов Игнатий Елизарович, 66 лет.
 19. Ларионов Родион Елизарович, 57 лет.
- (имена членов семей в документах не указаны).

В деревне было 19 дворов, проживали 130 жителей, из них 60 мужчин и 70 женщин. (Ф.574, оп. 6, д.116, л.1.1-19)

Данная справка во многом соответствует фактам, изложенным в основном материале книги, однако, требует дополнительных изысканий и уточнений.

На добрую память детям и внукам моим...

(из воспоминаний Перминова Дмитрия Александровича)

Я родился в 1914 году 30 октября. Родители мои: отец Александр Иванович с 1889 года рождения, мать – Мария Петровна с 1988 года рождения. Дед по отцу – Иван Семенович, бабушка – Анна Никитьевна. Дедушка по матери: Вшивцев Петр Тимофее-евич, бабушка – Дарья Степановна.

Дедушка, Иван Семено-вич, рассказывал: «Моего отца звали Семен Романович, деда его – Роман Ефимович».

Родители мои занимались крестьянством. Все сельскохозяйственные работы выполняли вручную.

Я родился в деревне Токари Александровской волости Нолинского уезда Вятской губернии. При Советской власти адрес менялся. Последним был: деревня Токари Александровского сельсовета Советского района Кировской области. Сельсоветы менялись, вначале д. Токари входила в состав Лаврухинского с/с, затем Обуховского.

Где располагалась деревня Токари? Она находилась на левом берегу реки Вятки, на высоком угоре. Когда стоишь на угоре, то очень далеко виден кругозор. За рекой были видны: село Ишлык, деревни: Притька, Валигино, Шуколюково, Топоры, Попово, Смутяково, Сильдуг, Мальково, часть деревни Дворец.

Почему деревню называли «Токари»? Мне дедушка (Иван Семенович) рассказывал, что этой деревне не больше (в то время, когда он говорил) лет 150. Деревня перестала существовать в 1964 году. Можно предположить, что она просуществовала лет 200.

Почему же деревня основывалась в дремучем лесу, в окружении оврагов? Опять же из рассказов дедушки следует, что в царское время брали служить в армию на 25 лет. Причем, если в семье растут два сына, то в армию брали только одного. И чтоб не служить, будущие рекруты убе-

гали в леса. Скрывались кто где. А пройдет три года, тогда в армию уже не брали. Говорили, пусть возвращается домой.

Так вот такие беглецы по каким - то причинам решили не возвращаться в отчий дом, а вознамерились объединиться и организовать новое поселение.

Кто ж они были:

Это Ортюха (скрывался в крутом овраге, выходящем прямо к реке Вятке, в последствии сохранилось название-Ортюхин лог),

Шуколюков (из д. Шуколюково. Обосновался в мрачном глухом овраге, также выходящем к реке Вятке Большим прорывом. Этот овраг сохранился под названием Шуколюков лог),

Галилей. Он построил домишко на взгорочке около неглубокого оврага, заканчивающегося на берегу Вятки Малым прорывом. Разработанное им поле потом получило название «Гальет», а овраг – Гальетского лога. Причем, где он жил, сохранилась яма от подполья. (Алексей Иванович Перминов, двоюродный брат, вспоминал, что там же сохранился каменный фундамент).

Четвертым беглецом был Бушмакин (А может быть Бушмак?). Он выбрал место на небольшой полянке совсем недалеко от заливных лугов и реки Вятки, на склоне Мансуровского оврага. На площадке в углублении бил родничок, а также протекала ключевина (в последствии место было оборудовано желобом и отсюда деревня обеспечивалась водой).

Вначале деревню называли «Бушмакин починок» (Может быть потому, что Бушмакин располагался ближе всех к месту основания деревни).

Токарями называли лишь потому, что начали жить в лесу. Земель для занятий хлебопашеством не было. Постепенно разрабатывали лес. А лес был сплошняком

осинник. Стали заниматься токарным делом. Вот и название дали – «Токари».

Как я запомнил, в деревне в дни моего детства и юности проживали следующие крестьяне. Начну с верхнего конца, с восточной стороны от Мансурово.

№ хоз-ва	Кто проживал
1	Хлюпин Иван Михайлович, его жена Анна Васильевна
2	Перминов Семен Никитьевич
3	Перминова Анна Ивановна
4	Перминов Петр Семенович, брат дедушки
5	Перминов Иван Семенович, дедушка
6	Юдинцев Митрофан Васильевич
7	Злобин Семен Васильевич
8	Бородин Василий Евдокимович
9	Перминов Иван Михайлович
10	Вахонин Александр Иванович
11	Хлюпин Егор Михайлович (последний дом на угоре)
12	Иларьонова Анна Игнатьевна
13	Мельницын Александр Александрович
14	Мельницын Александр Иванович (отец Александра Александровича)
15	Юдинцев Иван Ивольевич (затем его брат Никифор)
16	Перминов Ефим Семенович
17	Иларьонов Родион Елизарьевич
18	Перминов Никита Иванович
19	Юдинцев Игнатий Васильевич (брат Митрофана)
20	Хлюпин Михаил Михайлович
21	Хлюпин Павел Иванович

22	Юдинцев Иван Ивольевич (после дележки с братом)
23	Перминова Мария Петровна (после дележки в 1921 году).

С течением времени менялись хозяева домов. Так, Хлюпин Иван Михайлович (1-е хозяйство) уехал на производство. Его дом купила Перминова Анна Ивановна, которая приняла приемка из д. Мансурово для своей дочери Симы (Серафимы Николаевны) Мансурова Александра Дмитриевича.

Перминов Семен Никитьевич умер. Хозяином стал его сын Иван (2-е хозяйство).

Анна Ивановна (3 хозяйство) продала дом Мельницыну А.А., который свой дом сломал.

6 хозяйство. Юдинцев Митрофан Васильевич из деревни уехал, продав дом Злобину Семену Васильевичу. Тот делится с братом Матвеем, когда общая семья дошла до 14 человек.

8 хозяйство. Бородин В.Е. в 1921 году застрелился. Поговаривали, что его убила Родиха, жена Ипарьонова Родиона Елизарьевича из-за ревности.

10 хозяйство. Вахонин А.И. уехал в д. Васино.

11 хозяйство. Хлюпин Е.М. также уехал из деревни.

12 хозяйство. Анна Игнатьевна с братьями Василием и Михаилом тоже покинули деревню.

14 хозяйство. А.И. Мельницын умер. Он жил с внуком Павлом Александровичем, который уехал в Кушву. Дом сломали и на его месте построили колхозный амбар.

15 хозяйство. Когда Перминов Е.С. умер, его дочь Анна Ефимьевна приняла приемка из д. Мансурово Александра Васильевича. Рассказывали, что он ездил на производство. Однажды его пьяного кто-то привязал к дереву и в таком виде он провел ночь. Простудился. Вернулся домой уже больной и вскоре умер... (на этом рукопись обрывается).

Из интервью с Алексеем Ивановичем Перминовым...

Я. Расскажите, Алексей Иванович, что Вы помните о рождении нашей деревни..

А.И. Что можно ска-зать о деревне? Поя-вилась она очень давно. Началась как от нижнего ключа. Там была поляна, в мою молодость её ещё называли – клеверище. Потом стали дома стро-ить вверх по угору. На угоре – то леса не было. Только вересники до са-мой реки. Это потом как – то быстро всё елками заросло. А при мне, помню ещё, огороды оставались, жерди не сгнившие...

Я. Что сохранилось в Вашей памяти о жителях деревни...

А.И. На угоре крайний дом был Александра Ивановича Вахонина. У него родилось два сына Петр и Григорий, а дочерей – куча. Жена умерла рано. В двух теплушках у него размещались мастерские, где мужики плотничали, столярничали. Сам Александр Иванович был мастером по дереву, да и с железом умел работать. Вот взять простое дело - рукомойник. Дак нет, для этого рукомойника он сделал шкафчик аккуратный, жестяную раковину. И закрывался рукомойник дверцами. Он шел впереди жизни –то.

Взять опять же Ивана Михайловича. Это наш деревенский кузнец. Он мощно жил. У него и молотилка была и веялка. А сеновал у него был такой просторный, что на него лошадь с возом заезжала и разворачивалась.

В его кузницу ведь со всей округи приезжали. С мельниц, чтоб сварить веретёна (особенно, коминцы). А как кузнец умер, кузница вскорости захирела. Сейчас и не знатко, где она стояла.

О Михаиле Петровиче. Ты знаешь, что он наш родственник? Кроме Нюрки у него было ещё две дочери: Настя и Валя – старшая. Помню, как хорошо она водила

лошадь. А ещё у Михаила Петровича было два сына: Михаил и Петр. Петра он зачем – то называл «киргизом». У него морда была длинная и узкая - истинной киргиз.. А Михаил, как мне известно, был офицером. Оба они погибли в войну.

Вот ещё что вспомнил. На конце деревни жила Анна Игнатьевна с матерью. Избенка у них была махонькая. А сама она рано овдовела. Отец - то мой к ней похаживал, хотел даже на ней жениться, только мать не дала.

Я. Что можете сказать об истории малого ключа? Того самого, что находился в овражке за усадьбой Мансурова.

А.И. О малом ключике. Обнаружили его недавно. Мне было лет 12-13. Вообще - то и раньше ходили туда воду пить, ну, когда шли, например, по ягоды. Там в маленьком овражке из земли выбивался кипунчик. Кто - то смастерил черпачок из бересты.

А потом мужики решили выдолбить колоду, вкопать её около родничка. Часть склона срыли и построили дорогу. Она до пологой части оказалась метров тринадцать, не больше. Это чтоб с лошадью заезжать. Конечно, бочечки были маленькими. Сюда ездили, когда воды требовалось немного.

А обычно возили воду с нижнего ключа. Ездить туда нужно было раз по шесть - семь в день. Для конного двора, да для овчарни воды - то много уходило.

Водовозки у нас, знаешь, были особенные. Они опирались на толстые полозы. Склон - то ведь очень крутой. Расстояние до ключа приличное. Дак вот, полозы по каменной дороге изнашивались быстро. И водовозку строили заново. Я вот сейчас старым - то умом думаю, зачем же мужики не оббивали полозы железом. На дольше бы хватило...

Я. Каким Вам запомнился угор, когда Вы ещё ребенком были?

А.И. Помню, мне лет пять было. Случился пожар внизу под нашей деревней. Горел вересник. Подождгли, видать, проезжавшие по малым лугам мужики пьяные, песни горланили. И, наверно, курили. А было сухо.

Видим – дым идет. Народ туда побежал. У пожарки лемех висел. Стали его колотить. Приготовили пожарную машину. Но под угор не сумели спустить – путевых лошадей не оказалось. Угор, конечно, выгорел, но деревня не пострадала. Потом от бора, от ложка как, самосевом распространился ельник. И сейчас там густой еловый лес.

Я. Помню, на угоре стоял гигант – место развлечения молодежи деревни...

А.И. Точно, около амбара был гигант. В его строительство был и мой вклад. А получилось так: мы ходили в Мансурово, где такой же гигант стоял, и катались на нем. В Петухах было даже два столба. Ну, я и подговорил Леньку Перминова, да Лешку Мансурова. На угоре между амбаром и кузницей береза стояла. Ветки мы обрубали, верх спилили. Вбили железный штырь. На него насадили колесо от плуга. Помогали нам Витька Перминов и Санька Юдинцев. На открытие гиганта вся деревня пришла. Потом приходили ребята с веревками, привязывали их к колесу. Разбегаемся и летим по кругу. Хорошо! Четыре человека могли кататься....

Так что это моя инициатива была...

Я. Откуда появилось название - Бичевая?

А.И. Про Бичевую скажу так. В конце ложка на берегу стояла баканушка. От этого места баржи раньше тянули бичевой по берегу до Верхних лугов, а чтоб подойти к баканушке с низовьев реки, надо было обогнуть песок, который выметывало по весне. Поскольку там было мелко

да и по песку идти тяжело, то бурлаки садились в лодку и тянули баржу, отталкиваясь от дна шестами.

Дак вот, на баканушке, надо тебе сказать, одно время и наш дедко Буско сидел. Помню, я его: кряжистый, борода окладистая. В последнее время всё грабли в теплушке делал. А в молодости подрядчиком был. Вот с берега наберет мужиков путевых и идет на Урал, в Кушву. Обосновывались они там. И хозяева, у которых водились деньжата, их приглашают и на следующий год. Наши мужики были мастеровые по столярному делу. У деда был целый сундук рубаночков, выворок, фуганчиков. Всю эту мелочь с собой возили.

Я. А какие легенды бытовали про наше озеро?

А.И. Говорят, что наше озеро большое и глубокое. А оно мелкое. Я в нём однажды чуть не утонул. (Я бросил реплику: «А Вы говорите, «мелкое»). Это случилось в тот день, когда горел пароход «Некрасов». Помню, день - то осенний был. Я в фуфайке, в стеженных штанах, в лаптях. С Лёнкой коров караулили на лугах. А на озере зачем – то плавал плотик. Односторонний. Вот я и забрался на него. Бревна скользкие. Я покачнулся, сорвался и в воду с головой. Одежда начала намокать. Я к берегу. Заорал Леньке с испугу: «Давай махалку!» Ну он подбежал, вытащил.

А рыбы в озере не было. Хотя одно время, как сказывали старики, в нём водились караси. Озеро узкое, длинное и мрачноватое. К нему же впритык мансуровский лес подступает.

Я. А луга принадлежали только нашей деревне и Мансурятам?

А.И. На нашей стороне были выделены покосы и для Сыльдуга, Крупино, Малькова. Они приплывали на лодках.

Косили, метали стога. А трава у них была хорошая – пырей. Сено вывозили уже зимой на санях.

Я. *Когда появился молотильный ток, не помните?*

А.И. *При образовании колхоза сначала пользовались молотильным током Ивана Михайловича Перминова. У него были построены сушилки, молотила. И привод был – в движение приводился лошадьми.*

Потом построили колхозный молотильный ток на пригорке недалеко от конного двора. Стены – из бревен, а крыша – соломенная. Туда перенесли конский привод и молотилки.

А ещё. После войны случились ненастные осени. Тогда построили около леса сушилку, где сушили ржаные снопы. А до этого, должен тебе сказать, когда жили одиночно, у каждого хозяина ведь были овины, где сушили снопы и молотили. Потом, конечно, всё сломали.

Я. *Мне бы хотелось, чтоб Вы рассказали о постройке картофельной ямы.*

А.И. *Я ещё маленьким был, когда деревенские мужики построили яму, вроде как хранилище картошки. А когда пришел из армии, прежний сруб сгнил и мне пришлось вместе с мужиками его менять. Руководил работами Мансуров. Он в то время бригадирствовал. Рубили в «лапу». Бревна только из леса, сырые. Начинали их подводить снизу. Подкапывали, потом подсовывали. Конечно, опасно было, а вдруг верхние венцы обрушатся. Поэтому все делалось с осторожностью и с опаской...*

Я. *Не скажете, откуда появилось непривычное для деревни название - «квартал»?*

А.И. *Между домом Юдинцева Митрофана и Злобина Семёна Васильевича был проулок, его почему - то называли «квартал». Откуда появилось название, не знаю,*

врать не буду. Этот проулок в моей молодости был огорожен со всех сторон. Сюда загоняли скотину, телят.

А вообще, прежде, до нас, скотину ведь не пасли. Все поля, луга были выгорожены. По весне обычно, как дедко сказывал, мужики собирались. Определялись, куда идти. И шли ремонтировать изгороди. Где прясло упало, где жерди подгнили, где вязиво распустилось. Вначале шли к конному двору и проверяли изгороди до малого прорыва, до Вятки. Работа была большая. Рубили жерди, вязива из пихты. С собой брали только топоры да пилы. Работу, понятно, делали по вечерам после основных работ.

А скот пасся самостоятельно. К вечеру народ собирался на поиски коров. У большинства коров висели кутазы, скованные в кузнице. Иногда коров не находили и они ночевали в Шуколюковом логу. Лог был страшный.

Помню, маленьким был. Жеребят отпускали в луга. Это как только луга выкосят, кабаны (стога) огородят и пускают пастись скот. Кстати, нашими лугами пользовались Лапши, Буберната, Вавилята.

Я. В детстве я помню, около Анисьино дома валялась ручная помпа со сгнившими брезентовыми рукавами. Для чего она служила?**А.И.** Напротив нашего дома стоял пожарный сарай. В нем хранились бочки, лопаты, багры, ухваты, дрожки, пожарная машина. Сарай считался центром деревни, и содержался за счёт «общества». Были при нём даже свои пожарные. Здесь проходили деревенские сходы для решения каких – то общих дел. При колхозах пожарку зачем – то порушили. Имущество раскрепили по дворам, а пожарная машина заржавела. Мужиков – то ухаживать за ней не нашлось. Вот и выбросили её догнивать к Анисьиному дому.

**ЗНАТНЫЕ
ЛЮДИ,
ПРОСЛАВИВШИЕ МОЮ
МАЛУЮ РОДИНУ**

Земля Вятская щедра на талантливых, трудолюбивых людей. Многие из них, проживавших некогда в Советском районе Кировской области, снискали всенародную, да и всемирную славу, уважение и почёт. Среди них Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров, писатель Борис Александрович Порфирьев, доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей России Виктор Аркадьевич Бердинских, заслуженный художник РСФСР Сергей Александрович Вшивцев, певец, народный артист СССР Александр Филиппович Ведерников и многие, многие другие. Немало в этой когорте и представителей, родившихся в селениях моей Малой родины.

В публикуемой здесь подборке лишь малая их толика, о ком мне известно.

Бушуев Валентин

Васильевич. Родился в 1946 году в д. Светлозерье Советского района. В 1968 году закончил Суводской лесной техникум. С 1968 по 1971 гг. работал лесничим в лесном хозяйстве Кировской области. С 1971 по 1974 год – освобожденным секретарем комсомольской организации лесхоза – техникума, с 1974 г. – преподаватель спецдисциплин в техникуме.

В 1977 заочно закончил Уральский лесотехнический институт. Награжден в 1996 г. знаком «Почетный работник среднего специального образования». Заслуженный учитель Российской Федерации

Колеватых Анна Акимовна.

Родилась в 1922 году в с. Ситемка. Очень хотела стать медиком и потому в 1938 году поступила в Советское медицинское училище. Во время войны работала в Халтуринском военном госпитале. Не создав семейного очага, всю себя отдала людям. Длительное время работала заведующей медицинским пунктом в родном селе. За заслуги в области здравоохранения награждена

орденом Трудового Красного Знамени.

Мальков Андрей Михайлович. Родился 31 октября 1902 года в деревне Лаврухино. Учился в сельской школе в деревне Залужье, в селе Атары, в училище в селе Лебяжье. Закончил Кукарскую учительскую семинарию. Учился в Академии коммунистического воспитания (г. Москва). Работал в Башкирском пединституте в г. Уфе, затем, после учебы в аспирантуре, в Московском институте философии, литературы и истории, а после защиты диссертации - в Узбекском госуниверситете, Сталинградском пединституте (доцент, завкафедрой, проректор, заместитель директора института). В 1956 году защитил докторскую диссертацию. Пять лет был заведующим кафедрой истории КПСС, а потом заместителем директора Ростовской высшей партийной школы. Автор многих научных работ и учебных пособий. Награжден орденами Красной Звезды, Знак Почета, медалями. Профессор, доктор исторических наук.

Мальков Дмитрий Кузьмич.

Родился в 1909 году в деревне Лаврухино. Прошел большой и трудный путь от рядового до генерала. Со своей 12-й гвардейской стрелковой дивизией дошел до Эльбы. За форсирование Днепра получил звание Героя Советского Союза. После Великой Отечественной войны окончил Высшую Военную Академию им. Ворошилова и находился на различных командных постах. В 1955 году присвоено звание генерал – лейтенанта.

Палкин Герман Ефимович.

Родился в селе Ситемка в семье сельского фельдшера. После окончания школы закончил Советский педагогический техникум в 1937 году. Работал в Ильинской школе. В 1939 году призван в армию. Участник Великой Отечественной войны. Имеет государственные награды. После демобилизации работал председателем райкома профсоюза работников просвещения, затем директором

начальной школы №2 и базовой. В 1966 году присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР»

Палкин Ефим Степанович.

Родился в деревне Палкино Нолинского уезда. В 1908 году окончил Казанскую медицинскую школу. С 1910 году переехал в село Ситемку, где 26 лет работал заведующим медицинским пунктом. Награжден значком «Отличник народного здравоохранения», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» а в 1951 году - орденом Ленина.

Тамбасов Александр Витальевич.

Родился 1 мая 1947 года в селе Ситемка. Мать Анна Яковлевна Тамбасова (в девичестве – Ларионова) родилась и до замужества жила в деревне Токари. Александр Витальевич закончил Советское медицинское училище, затем Пермский медицинский институт. Врач – невропатолог, поэт, спортсмен. Многократно занимал призовые места на соревнованиях по легкой атлетике, лыжным гонкам союзного, республиканского, областного уровня. С 1986 года заведующий неврологическим отделением медсанчасти №11 г. Перми.

Туев Александр Васильевич.

Родился в деревне Комино 31 августа 1931 года. В 1950 году окончил Советскую фельдшерско – акушерскую школу, в 1956 году – Пермский медицинский институт. Высоквалифицированный врач – терапевт, ученый – кардиолог. Автор 208 научных работ, в т.ч. монографии «Ишемическая болезнь сердца». Удостоен премии АМН СССР им. Г.Ф. Ланге. Профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой госпитальной терапии №1 Пермского мединститута. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

**Итоги переписи населения
в деревнях Малой родины в 1926 году**

Назва- ние сель- ского совета	Количес- тво		Число жителей			Среднее число жителей в селении, чел.		Сред- ний сос- тав се- мьи, чел
	селе- -ний	домо- хозя- ев	Всего, чел.	в т.ч. муж- ско- го пола	муж. насел в % к об- щей числ.	всего	В т.ч. муж. пола	
Алек- сандр- овский	24	331	1777	737	41,5	74	30,7	5,4
Лавру- хин- ский	7	149	841	354	42,1	120,1	50,6	5,6
Обухов- ский	20	209	1138	512	45	56,9	25,6	5,4
ИТОГО	51	689	3756	1603	42,6	73,6	31,4	5,45

СОДЕРЖАНИЕ

№ №		Страница
1	<i>Начнем с истоков</i>	4
2	<i>Новгородское начало</i>	5
3	<i>Освоение вятской глубинки</i>	7
4	<i>Мои предки – умельцы по дереву</i>	8
5	<i>Подрядчик Иван Семенович – мой прадед</i>	9
6	<i>Слово о деревне</i>	11
7	<i>Малая родина – это не только деревня Токари</i>	14
8	<i>Худосочная почва и обилие оврагов</i>	16
9.	<i>Отхожий промысел, как подспорье</i>	17
10	<i>Причины антагонизма</i>	18
11	<i>Эх, дороги</i>	19
12	<i>Один врач на 32 тысячи жителей</i>	20
13	<i>Суд и здравый смысл</i>	20
14	<i>Натуральная повинность и экономика уезда</i>	21
15	<i>Беспокойные селяне</i>	22
16	<i>Отголоски «старого доброго времени»</i>	23
17	<i>Мимоходом об обычаях предков</i>	24
18	<i>Порядок проведения свадебных празднеств</i>	25
19	<i>Свадебные речи</i>	27
20	<i>Села и приходы на территории малой родины</i>	34
21	<i>Распространение грамотности</i>	35
22	<i>Нужна новая церковь - каменная</i>	36
23	<i>Причастность моих сельчан</i>	41
24	<i>Деревня Токари – от токарных дел мастеров?</i>	41
25	<i>Несчастливая звезда отца</i>	43
26	<i>Поздняя женитьба и - война</i>	46
27	<i>Малая родина задолго до моего рождения</i>	47
28	<i>Ситёмка – до и после революции</i>	48
29	<i>Александровская волость и Александровский сельсовет</i>	49
30	<i>Цифры и факты</i>	51

31	<i>Становление новой эпохи</i>	51
32	<i>Трудовой день, налоги и дисциплина</i>	54
33	<i>Неразумные решения большевиков</i>	56
34	<i>Отец перед войной</i>	58
35	<i>Деревня в годы войны</i>	58
36	<i>Великая Победа со слезами на глазах</i>	62
37	<i>Отец – председатель колхоза</i>	63
38	<i>Новые эксперименты</i>	64
39	<i>Самое раннее детство</i>	67
40	<i>Первый выезд в свет</i>	70
41	<i>В школу</i>	71
42	<i>Моя память – об односельчанах</i>	74
43	<i>Жизнь начала налаживаться</i>	83
44	<i>Колхоз «Дружба»</i>	84
45	<i>Учеба в Ситёмской школе и в медучилище</i>	87
46	<i>Переезд в Шубенкино</i>	88
47	<i>Взгляд из детства первый. Выходной день</i>	91
48	<i>Взгляд из детства второй. В Мансуровском овраге</i>	96
49	<i>Взгляд из детства третий. На рыбалку</i>	105
50	<i>Последняя встреча с малой родиной</i>	112
51	<i>Случай из прежних посещений (неслучайная вставка)</i>	116
52	<i>Последняя встреча с малой родиной (продолжение)</i>	120
53	<i>Вместо послесловия</i>	123
54	<i>Необходимые дополнения и приложения</i>	127
	<i>- Из архивной справки ГОУ «Государственный архив Кировской области»</i>	128
	<i>- На добрую память детям и внукам моим...</i>	132
	<i>- Из интервью с Алексеем Ивановичем Перминовым...</i>	137
	<i>- Генеалогическое древо семьи Перминовых (по мужской линии)</i>	144

	- Знатные люди, прославившие мою Малую родину	145
	- План д. Токари (20-е годы 20 – го столетия)	151
	- План д. Токари и окрестностей (20-е годы 20-го столетия)	152
	- Итоги переписи населения в деревнях Малой родины в 1926 году	153
	- План – карта Малой родины (50-е годы 20-го столетия)	154
	- Малая родина в начале 90-х годов 20 столетия	155
	-Малая родина в настоящее время	156
	- Советский район	157
55	Содержание	158